

ЕЛЕНА
ГРАМЕНИЦКАЯ

Сказки Шварцвальда

Елена Владимировна Граменицкая

Сказки Шварцвальда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63106733

SelfPub; 2020

Аннотация

Владелица таинственного медальона, передаваемого от матери к дочери, Анна Кляйнфогель, жительница затерянного в горах швейцарского Дизентиса, вошла в историю как последняя казнённая в Европе ведьма. Что может связывать ее и обычного московского врача-психиатра Марию Фогель? Правдива ли история, услышанная Машей в психиатрической клинике от своей пациентки? Какую тайну скрывают старинная кукла и медальон и почему за ними охотятся? Героиня после разрушительной для себя связи с женатым мужчиной едет в Швейцарию. Там ее ждут любовь и настоящая опасность: ее жизнь и жизнь ее возлюбленного мистическим образом переплетаются с историей любви ведьмы и бедного художника, попавших в капкан инквизиции. Сказки Черного леса возвращаются...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

158

Елена Граменицкая

Сказки Шварцвальда

Сказки для взрослых девочек. Часть 2

Скользящие души, или Сказки Шварцвальда

– А вот это, – ответил Голландец Михель; он полез в ящик и протянул Петеру каменное сердце.

– Вот оно что! – изумился тот, не в силах противиться дрожи, пронизавшей все его тело. – Сердце из мрамора? Но послушай, господин Михель, ведь от такого сердца в груди должно быть ой-ой как холодно?

– Разумеется, но этот холод приятный. А на что человеку горячее сердце? Зимой оно тебя не согреет – хорошая вишневая наливка горячит вернее, чем самое горячее сердце, а летом, когда все изнывают от жары, ты и не поверишь, какую прохладу дарует такое сердце. И, как я уже говорил, ни тревога, ни страх, ни дурацкое сострадание, ни какие-либо иные горести не достигают до этого сердца.

– И это все, что вы можете мне дать? – с досадой спросил Петер. – Я надеялся получить деньги, а вы предлагаете мне камень.

Вильгельм Гауф, «Холодное сердце»

В этой убогой лачужке, сырой, плохо запертой, в которой свистит зимний ветер, <...> есть темные углы, где

женщина хранит свои мечты.

Иным выходит сатана из пылающей груди ведьмы – он оживает, он во всеоружии и вид его угрожающ. Как бы его не боялись, приходится признать, без него мы бы умерли со скуки.

Жюль Мишле, «Ведьма»

Пришло время начать... 31 октября 2009 г.

Крошка сын к отцу пришел,

И спросила кроха:

– Что такое ХОРОШО,

И что такое ПЛОХО?...

И каждый отец сказал своему сыну правду, только была ли она одинакова? Знаю одно: первая родительская Правда была окрашена лишь в два цвета, исключительно чистых, без намека на оттенки. Но прозвучавшая в ответ на вечный детский вопрос истина заполнила весь монохромный спектр, создала черно-белый мир во всем его многообразии, во всем великолепии и ничтожестве.

Это история извечной войны за человеческую душу. О войне, в которой никогда не бывает перемирия, не выбирают парламентарии и не спасают белые флаги. Она продолжается каждое мгновение, незаметно для нас. Каждую секунду совершается выбор, отраженный в бесконечности ин-

терпретаций, реплик в душах других. Где вечны метания между полюсов. Где мы просто живем, добровольно выбрав испытание, которое порой не под силу преодолеть, но, как ни горька потеря, опыт в награду обещан бесценный.

Кто из нас не задумывался над этим? Каждый сам для себя решал, что такое хорошо, каждый сам размечал пограничную черту, за которую не пускал Тьму, а потом эта черта незаметно стиралась ежедневными хождениями по комнате, и мы проводили ее заново, не замечая, что темнота отвоёвывала несколько сантиметров и приблизилась. Она всегда была рядом. Но и у нас всегда был выбор.

Скользящие души. История болезни.

Позвольте представить вам Машу. Да, нашу главную героиню зовут на первый взгляд просто. Но имя порой решает за нас будущую судьбу. Ее имя означало святость, жертвенность и бескорыстную любовь.

Точнее она – Мария Сергеевна Фогель. Пусть фамилия тоже не кажется вам странной – фамилия как фамилия. Мало ли других, более чудных, в Москве, городе-Вавилоне, сумасшедшем многослойном пироге, уже поглотившем и до сих пор поглощающем в нарастающей геометрической прогрессии миллионы человеческих судеб, стекающихся в столицу со всех городов и весей не только России, но и заморских пределов. Приезжающих скорее в поисках проблем на голову, чем в ожидании лучшей доли.

Эта фамилия досталась ей от дедушки Йозефа, чьи родители, бывшие уроженцы польского Кракова, в поиске пролетарского эльдорадо¹ переехали с нехитрым скарбом в 1920 году в Москву. В их молодых сердцах пылала вера в счастливое будущее, в победу великого Вождя, которого Франц и Ядвига боготворили, чьи опасные брошюры читали, за чье здоровье и благоденствие втайне от соратников-атеистов молились Святому Николасу. За чьи идеи не побоялись сорваться с нажитого поколением подворья в Величке, оставив его на стариков родителей и семью старшего брата. Променили спокойную жизнь земледельцев на утопическую авантюру, на идеологию всемирного братства, рискнули начать жизнь с нуля, имея в багаже лишь необходимую для предстоящей долгой зимы одежду, перетянутую бечевой подборку подпольной агитлитературы, зачитанный томик «Капитала»² да неистощимую веру в светлое и счастливое будущее.

Они были подобны глупым мотылькам, прилетевшим на свет пылающего и всепожирающего горнила народной борьбы. Не будем отвлекаться на то, как они потом, в ходе сталинских репрессий, пожалели о содеянном. Главное, выжили. Пусть ценой жизни нескольких невинных потомков, не

¹ Эльдорадо – мифическая южноамериканская страна из золота и драгоценных камней. Синоним места, где сосредоточены природные богатства. Здесь: место, где можно легко заработать на жизнь собственным трудом.

² «Капитал» – главный труд Карла Маркса по политической экономии, содержащий критический анализ капитализма.

пришедшихся по душе чистильщикам революции и навеки канувших в ссыльных лагерях. Какая теперь разница... Россия так или иначе стала для их детей новой родиной.

Разницы действительно никакой, особенно на сегодняшний момент для Маши Фогель, врача обычной московской поликлиники, живущей на государственную зарплату и подрабатывающей порой переводами с немецкого языка.

Врача-психотерапевта, дипломированного специалиста. Она защитила диплом на пять баллов и получила самые лучшие отзывы. Но что они значили в наше время? Ровным счетом ничего. Возможно, они были способны лишь удовлетворить какие-то ее амбиции, и то на один-единственный вечер, вечер празднования защиты с сокурсниками. А потом окунаешься с головой в серую действительность перестраивающейся, очумевшей от завоеванной свободы страны и зажимаешь в горле комок горькой обиды и разочарования.

Постойте, замечательные похвальные отзывы ученой братии можно еще в терапевтических целях расклеить на обоях и благополучно забыть о них. Хотя... Зачем так грустно? Хорошая идея: написать позитивные мысли о себе на четырех стенах спальни и каждый день, проснувшись, думать о собственной исключительности.

Исключительная, умная, красивая, необыкновенная, желанная, самая-самая... только ТЫ, Маша.

Маша пыталась вспомнить, когда к ней в первый раз при-

шла мысль о привороте.

О ужас! Каков переход! Пафосный настрой меняется. Что очевидно, когда речь заходит о несчастной любви.

Чудное слово – «приворот». Привести к своим воротам, к своим дверям чужого человека?

Когда она впервые подумала об этом? Вчера, возвращаясь с его дня рождения? Или уже давно, когда поняла, что этот мужчина никогда не будет принадлежать ей, потому что не сводит восторженных глаз с красавицы-жены?

Что за ерунда – приворот? Могла ли Мария, изучая в первом меде химические процессы, происходящие в мозгу человека, считая, что может управлять этими реакциями не только медикаментозно, но и путем обычного внушения, доверительного разговора, – могла ли она предугадать модели человеческого поведения? Могла ли она подумать, что сама отвернется от рационального, не требующего доказательств, чтобы искать помощи у запредельного, опасного мира? Обманчивого, подобно тонкому льду припорошенного первым снегом, мира.

Вряд ли Маша Фогель могла представить, что связь с Денисом может завести ее так далеко. Зачем шесть лет не спать ночами, пытаясь уяснить и правильно интерпретиро-

вать теории Фрейда и Шопенгауэра? Практиковаться ежегодно в психиатрическом диспансере, выслушивая каждого безумного теоретика, доказывать бредовую идею о преемственности любви и добра, чтобы после ее защиты осознать: автор как личность ничтожен и обращен в прах. Все зазубренные теории гроша ломаного не стоят.

Как и ее образцово-показательная, оцененная по максимальной шкале и награжденная похвальными рецензиями дипломная работа – «Помощь жертвам активного манипулирования психикой». Когда реальная жизнь повергла отличницу Фогель ниц, не дав ни малейшего шанса реабилитировать идею преемственности Добра и обязательной, неизбежной наказуемости Зла.

Зло наказывается, но порой столь незаметно и несущественно, что создается впечатление, будто муки совести испытывают лишь те люди, которые изначально смирились с наказанием. Согласились в тот самый момент, когда совершали ошибку.

«Приворот, быстро, стопроцентно, гарантированно...»

Кем гарантировано? Самим...?

Падшим и не поработанным? Оставшимся свободным? Вечным оппонентом и противником? Кто обычно предлагает быстрые и легкие пути к достижению цели, стараясь заполучить очередную человеческую душу?

Скучный путь правды извилист, тернист и безрадостен. И стоит лишь на краткий миг закрыть глаза, перед ними ОН – герой сладких девичьих снов, желанный, манящий, единственный, последний. Мы абсолютно уверены в том, что именно последний. Это определение толкает нас к той заманчивой черте, перейдя которую, чаще из-за элементарного любопытства и наивной вере в безнаказанность, мы меняем свою и чужую жизнь навсегда.

Темный Ангел обладает завидным терпением. Он никуда не торопится, потому что лишен страха перед ускользающим мгновением. Он вечен и всегда получает те души, которые сами словно мотыльки летят в его пламенные объятия.

Почему излишнее любопытство никогда не считалось пороком?

Мы ищем легкие пути, считая их самыми правильными, справедливыми, заслуженными ценой ночных страданий и мокрых от слез подушек. Мотивируя свой выбор лишь одним безапелляционным доводом: почему кому-то позволено все, и чем я хуже? И абсолютно забываем о искусно расставленных ловушках.

Маша несколько раз ловила себя на мысли, что в любой газете или журнале ее взгляд притягивают объявления о возможности осуществления мечты, будь то Вечная Любовь, Все Деньги Мира или Заслуженная Слава. Каждому – свое.

На протяжении долгого времени ее рациональный мате-

риализм, воспитанный родителями и закрепленный профессорами в институте, боролся с неистребимой верой в чудеса, с верой в другой мир, где по взмаху волшебной палочки возможно все. Потому что стопка зачитанных томиков до сих пор хранится у нее под кроватью. А вы бы от нее избавились? Зря. Стоит лишь покрепче зажмуриться и прошептать заветные слова...

Тсс... Это секрет.

Слава богу, что дальше разглядывания объявлений и чтения ссылок в интернете дело не шло.

Пора раскрыть карты.

Скользящие души. Homme Fatale³

Денис Морозов. Кто же он? Привлекательный мужчина тридцати пяти лет. Прямые русые волосы, изящная форма носа, чувственные губы, волевой подбородок. Натренированное тело, открытая обаятельная улыбка, милые морщинки вокруг янтарных глаз, тянущих в безумие. Искренний, если не лезть глубоко в душу, без показушной сексуальности – прямо-таки гроза интровертов женского пола.

А еще он муж ее одноклассницы Ирины, золотой медалистки, председателя комсомольской дружины и первой красавицы в школе, ныне топ-менеджера строительного холдинга. А разве по-другому могло быть? Только в сказках пре-

³ В пер. с фр. – «роковой мужчина».

красные принцы одиноки и тоскуют в поисках тебя-единственной. Стоит захлопнуть потрепанную книжку, и они тут как тут – женатые, счастливые, давно нашедшие любимых, раздобревших на царских хлебах принцесс, но продолжающие жадно взирать по сторонам в надежде перехватить лакомый кусок, что случайно закатится под ноги.

Бедная Маша не сдалась на милость победителя сразу, она боролась с собой и с искушением, шагнувшим словно убийца из-за угла. Идеальное определение придумал Мастер недугу под названием Любовь. Мария прекрасно понимала, что балансирует над бездной, но пустота была слишком притягательна и желанна.

Враг и учитель не лишен чувства юмора, он искусен и изворотлив и готовит западню в самом неожиданном месте.

Но выбор остается всегда. Только кто об этом помнит?

Бедная Маша Фогель не могла предположить, что несколько лет назад, приведя дочь на день рождения сына Ирины Кушнир, познакомится с Денисом, ее новым мужем. Познакомится – не совсем точно сказано, она будет прожжена насквозь янтарным взглядом. Он не произнесет в тот вечер ни слова, лишь будет внимательно следить за ее передвижениями по квартире и параллельно заниматься собственными делами. А тем временем химия начнет делать свое дело, процесс замещения кислот белками и выработки эндорфинов будет запущен. Перекрещение взглядов, таинствен-

ный миг проникновения миров друг в друга, божественная или дьявольская игра. Часы начнут отсчитывать время начала и конца.

Пройдет несколько лет, и их судьбы вновь пересекутся. Случайная встреча в магазине за покупкой лыжного костюма положит начало продолжительному этапу, длящемуся до сих пор.

На сей раз Денис будет разговорчив, и удостоит Марию нескольких слов приветствия, и даст совет, какую именно марку лыж и обмундирования предпочтительнее в этом году приобрести. На вопрос «А в следующем будет другая?» он не удосужится ответить, видимо, посчитав его нелепым.

А пока Маша, у которой почти остановится сердце, будет удивляться, что ее кумир вообще снизошел до разговора с ней, Ира, его вечная спутница, улыбнувшись, бросит на нее снисходительный взгляд:

– Подруга, ты не въезжаешь? Горы требуют денег. Принято каждый год менять костюм и дрова.

– И ты это делаешь?

– Я? Нет, я предпочитаю классику, она стоит на порядок больше, чем ты пытаешься потратить на себя, поэтому несколько лет могу спать спокойно.

Вот так изящно, по щелчку пальцев, Ира смешает бывшую одноклассницу с живущими где-то там, ниже плинтуса. Маша потупится и вновь отругает себя.

Почему рядом с Иркой она всегда чувствует себя ничтожеством? Вроде живет по средствам, ну да, экономит на себе, но зато не ворует, не наживается на больных. Впрочем, эта особа способна легко и непринужденно унижить ее в любой момент. Так было в школьную пору и так продолжается спустя десятилетия.

«Может, причина во мне самой?»

Догадалась? Уже неплохо.

Почувствовав, что допустила бестактность, Ира дружески обнимет Машу и тихо скажет:

– Машуль, не парься, ты же не возвращаешься в тех кругах, где следят, кто и во что был упакован год назад! Покупай куртку за трешник и не горюй! Для Подмосковья потянет.

Маша криво улыбнется. Утешать Ира тоже умеет по-особому, добавив горчинки и после этого снова как ни в чем ни бывало перейдя на доброжелательный тон:

– Слушай, Мань. А что ты вечером делаешь? Заходи к нам. Динька индейку запечет, он мастер в этом деле. Ка-мо-он, потрещим о бывших! Сто лет не виделись.

С той встречи все и началось.

Они жили совсем недалеко. Ира, работая на богатых мира сего, успела купить квартиру в благоустроенном кондо-

минимум⁴. Подходя к многоэтажному сверкающему строению, Маша невольно сжалась. Пересекать границу между посредственностью и роскошью ей доводилось не часто. Кирпичный монолит с просторными застекленными лоджиями, с розарием у парадного входа и частной парковкой представлял собой островок благоденствия. Совсем другой мир.

Мария дождалась, пока бдительный охранник переговорит по телефону с хозяевами и соизволит пропустить ее к лифту. Под надменной улыбкой стража она почувствовала себя разносчицей пиццы.

Зато Денис, встретивший девушку на пороге, олицетворял самую любезность. С радостной улыбкой, моментально осевшей в сердце, он приветствовал ее и, не обращая внимания на Машино смущение, шепнул:

– Иры пока нет, сейчас я ее предупрежу, что ты пришла. Кстати, индейка почти готова, бегом, помоги мне!

Перед гостьей материализовались мягкие тапочки. Не понимая, что происходит, послушная овечка прошла на кухню.

Разговор завязался легко и непринужденно, любая тема находила отклик, мнения чаще совпадали, а возникшие разногласия сглаживались. Маша не переставала удивляться, глядя на Дениса. Где тот чопорный, рафинированный сноб, самовлюбленный нарцисс? Перед ней обычный, приятный в

⁴ Кондоминиум – объект недвижимости, находящийся в совместном владении с другими собственниками.

общении парень, который нравился ей все больше и больше. Но девушка ловила себя и на странной мысли, что любованье объектом не связано с открывшимися положительными чертами характера, отнюдь. Оно происходит само по себе. Оставайся Денис холодным и надменным, его присутствие на расстоянии вытянутой руки все равно выворачивало бы душу наизнанку. Он был слишком близко. Попав в теплую ауру его обаяния, Маша потеряла способность к самоанализу. Лучики глаз, смущенная улыбка, невольное прикосновение руки – «Не урони тарелки!», – янтарная вспышка, тихий смех, снова лучики. Волшебный, зачарованный круговорот соблазнения.

И первый шаг в сладкую бездну был сделан без раздумий. Играючи.

Процесс очарования прервала Ирина, вернувшаяся с работы. Вечер продолжился уже втроем.

С того самого дня они не расставались дольше чем на неделю.

Марию постигло второе откровение. Ирина Кушнир – не высокомерная стерва, а счастливица, попавшая в круг небожителей. Выигравшая далеко не случайный джекпот. Единственного ребенка в семье мать-одиночка воспитала на особый лад, скормив девочке вместе с молоком идею, что она лучше, умнее и красивее всех остальных. Маска королевы навеки приросла к лицу и, что греха таить, позволила до-

биться определенных успехов в жизни. Мама заложила фундамент, сделала бесценный подарок – воспитала в Ире уверенность в себе. Она росла запрограммированной на успех.

Маша никак не могла взять в толк: что, кроме ума и умения слушать людей, привлекает к ней красавицу Ирину? В школе они не дружили, сторонились друг друга. Возможно, женщина привыкла играть на контрасте и выбрала в качестве выгодной декорации менее симпатичную подругу для самоутверждения? Задать вопрос в лоб Маша стеснялась. Позволила себе надеяться, что главную роль в их союзе играют ее душевные качества, а не заурядная внешность.

Время шло. Ирина становилась все откровеннее. Например, однажды поведала ей о безудержной страсти, вспыхивающей в самых неожиданных местах и удовлетворяемой незамедлительно. «Это такой экстаз, подруга, рисковать в любой момент быть замеченными...» Маша выслушивала подобные исповеди с отвращением и восторгом, желая прервать и одновременно наслаждаясь подробностями. Примеряя чужое тело и насыщаясь чужой похотью, она, как ни странно, чувствовала растущую симпатию к Ирине.

Пора признаться: Маша всю жизнь завидовала удачливой сверстнице. Пакостное чувство пустило корни в неискушенной страстями душе, разрослось всеядной полынью.

Но вдруг положение изменилось.

На одну чашу весов легла дружеская симпатия к знакомой с детства женщине, на другую – искушающее томление, желание утонуть в глазах ее мужа. Подобный мезальянс тяготил Марию Фогель, регулярно пропальвающую в душе огород.

Его глаза цвета виски, глаза цвета счастья...

Надо что-то решать. Только понятие «решать» предполагает наличие выбора, а его у Марии не было. Единственный выход – прекратить отношения, постепенно вырваться из колдовского обаяния Дениса. Иначе – тупик, катастрофа. Но для разрыва полагалось найти разумную причину.

Маша допускала возможность флирта с женатым мужчиной. С мужем незнакомой женщины, чужой, невидимой, далекой, а не приятельницы, уплетающей пирожки на ее кухне. Необходимо скорее, под любым, самым нелепым предлогом прервать эти встречи.

Мудрая мысль, рождающаяся каждое утро, в течение дня не достигала зрелости, не оформлялась в слова. Бедняга постоянно откладывала разговор, намеренно оттягивала момент откровения. Момент выбора.

А потом наступил день икс, когда Мария пересмотрела принятое решение. Или ее заставили это сделать? Сейчас уже трудно сказать.

Ведь не только Ирина раскрывала ей душу, но и Денис

протер до дыр мягкий уголок на Машинной кухне. Он позволил пролистать собственную жизнь. Рассказал о хулиганском детстве, проведенном в бараке на окраине города, о вечно ободранных коленках, об уличных драках, о разоренных садах и первом украденном поцелуе под цветущей сиренью. Он жаловался на суровую мать, забросившую сына ради карьеры партийного работника. Жмурился от радости, вспоминая о службе в армии, о бережно хранящемся дембельском альбоме, о друзьях, которых раскидало по жизни. Вздыхал, рассказывая о неудачно сложившейся первой семье, о мучительном разводе. Признавался в одиночестве и безысходности. С чего бы?

О проблемах во втором браке Денис упомянул лишь раз. Жена оставалась объектом искреннего восхищения. Подобной павы он ранее не встречал, и до сих пор не понимает, как Ирина снизошла до сирого.

– Только тебе могу сказать, как бывает страшно. Накатывает пустота, могильный холод. Идет напрямик от сердца. Порой кажется: оно не бьется. Послушай! Застыло давным-давно. Я боюсь умереть, так и не поняв, для чего вообще жил. Умирать в одиночестве – страшно. Важно, чтобы кто-то держал тебя за руку.

Маша не понимала, чего не хватает привлекательному, состоявшемуся мужчине, живущему с любимой женщиной, не нуждающемуся ни в чем, до конца жизни обеспеченному не только куском хлеба, но и бокалом хорошего вина на десерт.

В тот осенний вечер к ней заглянула Ирина, предварительно предупредив о визите по телефону. Безапелляционный тон топ-менеджера покоробил Машу и одновременно заинтриговал. Через час госпожа Кушнир уже раздевалась в коридоре, торжественно водрузив на подзеркальную тумбочку бутылку коньяка.

Маша предложила перекусить, но гостя надменно вскинула бровь и покосилась на часы:

– Время за полночь! Диечу!

Голос Ирины звучал уже не так холодно, как во время ее звонка из офиса. Очевидно, на тот момент она еще не отошла от роли руководителя. Теперь же, откинувшись на мягкое сидение кухонного уголка, Ира расслабилась, сняла маску.

Глоток армянского солнца волнами пробежал по телу, позволил хозяйке набраться решимости и начать разговор:

– Ир, что-то произошло? Та сама не своя.

– Бр-р-р, холодно. Замерзла в машине. Давай-ка повторим еще по одной... Вот, отлично, передай лимон. – Скривившись, прожевала дольку.

– Ир, если я могу тебе как-то помочь, то не стесняйся – говори. Что-что, а слушать – моя профессия.

– Слушать ты точно умеешь, это всем известно. Доктор-погрей-мне-уши.

Маша смутилась.

– Да ничем ты мне, подруга, помочь не можешь! Время остановишь? На один щелчок – вернешь мне мои двадцать пять? Что молчишь? Медицина бессильна?

Первая возникшая в голове нелепая мысль, дурная и страшная: Денис нашел себе молодую девочку и признался в этом жене. Маша сама содрогнулась от этого предположения. Но нет, все оказалось прозаичнее.

– Эта молодая тварь, длинноногая и жопастая, эта беспринципная ссыкуха посмела обойти меня!

Маша смотрела на взбесившуюся подругу. Она впервые видела ее в таком взвинченном состоянии и пыталась угадать правильную линию поведения. Впрочем, вспышка внезапного гнева тут же пошла на убыль. Ира продолжила на одном дыхании:

– Ты же знаешь, что для меня значит позиция в компании! Сколько я вытерпела, через что прошла, чтобы занять ее. Я ни под кого не ложилась! Это не мой принцип – ноги раздвигать ради карьеры. И что в финале? Коза грудастая, ни опыта, ни образования – ничего, кроме молодости и хамства. На корпоративе генерального благодетельствовала – и в дамки! Она теперь со мной в одном кабинете сидит, смазливой рожей аки параша сияет! На Париж ее кандидатура вместе с моей заявлена. Прикинь, во время вояжа наблюдать буду, как царская кредитка доится! Короче, полный аут, подруга. Я во второй обойме.

Маша глубоко вздохнула. Всего-то...

– Ир, погоди, давай разберемся. Тебе понизят зарплату? Нет. Твоя карьера не пойдет, как запланировано, быстро вверх? Возможно. Однако у тебя есть неопенимое преимущество перед молодостью – опыт. Надо будет искать другие пути. Ничего постоянного не бывает. И жизнь всегда подбрасывает нам различные варианты. Лично я не вижу ничего страшного.

– Скажи, вот ты такая умная, да? Так почему в заднице торчишь? Каждый месяц гроши считаешь от зарплаты до зарплаты? Учить меня еще пытаешься. Что молчишь? Сказать нечего? Да потому что я права. Запомни: я всегда права.

Маша промолчала.

«Это уже диагноз. Сидишь у меня в гостях и на желание помочь отвечаешь хамством. Мол, знайте свое место, Фогель».

Как врач она понимала, что в Ирине говорит боль, с легкой руки алкоголя вырвавшаяся на свободу, жалуется самодлюбие развенчанной Королевы, которую попросили спуститься с пьедестала, кивнув на скамейку запасных. Истерит «Я» красавицы, лишившейся заслуженных регалий, перешагнувшей в бальзаковский возраст. Монаршие особы стареют болезненнее серых мышек. Уступать трон тяжело, лучше на нем умирать.

Ирина, излив на подругу ушат бессильной злобы, налила себе очередную рюмку и, не чокаясь, на одном дыхании проглотила, потом сморгнула скопившуюся в глазах влагу.

Кризис миновал, поняла Маша и не торопясь, пытаясь сохранить спокойствие, достала сигарету. Ирина последовала ее примеру.

Некоторое время они курили, думая о своем.

Наконец, нервно затушив окурочек, Ира заглянула Марии в глаза:

– Ладно, не обижайся! Ты здесь ни при чем. Кто еще может выслушать и понять? С тобой я обычная, какая есть на самом деле. Без прикрас. Без осточертевшего протокола! И говорить могу по-человечьи, а не на зверином диалекте. Какое счастье, что мы с тобой ничего не делим. Так, подруга?

Маша вздрогнула, поперхнулась табачным дымом.

– Что?

– Я говорю, мы же с тобой ничего не делим, так ведь?

«Или никого?»

– Да, Ир, делить нам действительно нечего. У нас с тобой разная жизнь.

– То-то и оно. Я очень ценю, что ты есть. И Денис тоже ценит. Кстати, мы совсем забыли о нем. Сейчас наберу, скажу, что зависла на часок. Давай наливай, чего сидишь. У меня есть желание расслабиться.

«Пожалуй, лучше с ней сегодня не спорить».

Маша быстро наполнила рюмки и, подняв свою, сказала:

– Давай выпьем за Дениса, тебе повезло с ним. Первый раз встречаю мужчину, который с неизменной любовью и теплом отзывается о жене.

– Ага. Давай. Только могу тебе сказать, дорогая, у него выхода нет. Любить всегда, любить везде, до последней сладкой морковки.

Маша удивленно взглянула на подругу.

– Что смотришь? Да. Именно так. Он же альфонс. Ха! Маш! Да ради бога, не делай ты такое несчастное, удивленное лицо! А то ты не в курсе, что я полностью содержу его?

– Нет, я не знала. Он же работает. У него магазин...

– Ага, работает с прибылью пятьсот долларов в месяц! Да он в казино в один вечер больше спустит. О чем ты говоришь?!

Денис играет? Она первый раз слышала об этом.

– И часто он ходит в казино?

– Да нет – кто бы его туда пустил. *Жопе слова не давали.*

«О господи...»

Стало мерзко. Не от того, что узнала о тайном пристрастии Дениса. Ей стало душно в обществе Ирины – злой, зарвавшейся, говорящей то, что лежало глубоко на душе, что обычно было скрыто от посторонних глаз. Отвратительные слова, которыми она охарактеризовала человека, не сказавшего о ней ничего дурного, вызвали рвотный спазм. Маша отвернулась, боясь выдать свои мысли.

«Пусть Денис зависит от нее. Это не дает права так оскорблять его. Желание утвердиться наиболее примитивным и доступным способом приобрело уродливые формы».

В этот момент Мария поняла простую вещь: она не смо-

жет отказаться от Дениса. Никогда и ни за что. Ради *этой* точно не сможет.

*– Бинго! Выбор сделан. Один-ноль в нашу пользу, Старик!
– Да погоди ты. Все еще может измениться.*

За этот вечер Ира поведала еще много неприглядных деталей их совместной жизни. Маша слушала откровения пьяной, спасовавшей перед возрастом женщины и только еще больше утверждалась в своем решении. Когда Ирина, опустошив ядовитые железы и бутылку коньяка, оставила ее дом, хозяйке захотелось срочно провести генеральную уборку. Чужое зло как будто витало в воздухе вперемешку с сигаретным дымом и оседало на стенах маленькой двухкомнатной квартиры.

На некоторое время Машины контакты с друзьями прекратились. Она не переживала по этому поводу. Все ходила под впечатлением от откровенного разговора. Не могла избавиться от мысли, что Ирина жалеет о том, что поддалась слабости и выложила грязное белье перед человеком, который ниже ее по статусу. Мадам Кушнир позволила себе выплакаться в латаную жилетку. Кто есть Маша? Говорящее Зеркало в покоях Королевы. Удачный фон, оттеняющий божественную индивидуальность. Так было всегда, начиная со школьной скамьи и заканчивая сегодняшним днем. Ничего

не изменилось.

Врачу Фогель ситуация виделась ясной. Ира – впечатлительный, очень ранимый человек, скрывающий проблемы под маской хладнокровной доминирующей стервы. Возможно, только Денис знал ее настоящую, потому что любил. Да еще, пожалуй, сама Маша, потому что разбиралась в лабиринтах человеческой психики. Тем не менее закамуфлированная слабость не давала горячке права унижать людей. Поэтому Ирина Кушнир как «нечто, давящее на мораль» перестала существовать.

Чаши весов, уравнивающие порок и совесть, дрогнули, скривившись в одну сторону.

Но потребовалось несколько недель, чтобы Маша поняла: ситуация меняется. Если она сейчас не позвонит Денису, то их отношения действительно сойдут на нет, как и планировалось.

Судьба предоставляла ей шанс не споткнуться, остановиться на краю. Вот только момент принятия правильного решения безвозвратно миновал. Факт, что связь с Денисом продолжится, воспринимался Машей уже как само собой разумеющееся, несмотря на то, что он был мужем ее подруги. Хотя вряд ли она сможет теперь называть ее подругой. Приятельницей – так, пожалуй, будет точнее.

Мария Фогель сделала окончательный выбор.

– Два-ноль, Старик. Я веду! Дадим Маленькой Птичке последний шанс!

Когда в трубке раздался его хриплый голос, Машино сердце на миг встало, а потом понеслось по ухабам.

– Денис, как дела?

– Нормально, – голос его был холоден. – А у тебя?

Чувствовалось, что этот вежливый вопрос выдавлен сквозь зубы. Маша растерялась, не находя подходящих слов. Впервые он говорил отрывистыми фразами, заканчивая разговор, не начав. На душе стало холодно и неудобно. Самое время все понять. Но...

– Если все нормально, я рада. Передай привет Ире.

– Вряд ли. Она улетела в командировку.

– Куда?

– Как куда? В Париж.

– Точно.

Вот он – еще один шанс закончить разговор. Как вдруг:

– Маш, заходи ко мне. Посидим на балконе, перетрем новости. Да? Ну и славно.

Все! Глупышка уцепилась за тончайшую нить, прыгнула за несущимся в ненастном небе ярким шариком и без сил повисла над землей.

Она неуверенно отключила трубку. Восторженное сердце обезумевшей птичкой выскакивало из груди.

«Глупая! Стоило поманить пальцем, побежала! Цирк де-

душки Дурова!»

Но ругать себя можно бесконечно. Чего стоил гнев рациональной половины перед радостью половины влюбленной?

Через пару часов она была уже рядом с Денисом. Завернувшись в плед, пила маленькими глотками вино, смотрела на лимонную дольку-луну, разговаривала о прочитанных книгах, о своих пациентах, о его одиночестве и замерзшем сердце. Все равно о чем – главное, она находилась рядом, дышала с ним одним воздухом.

– Птичка, ты нас окончательно разочаровала...

Скользящие души. Первый звоночек.

– Ир, извини, но сколько можно не замечать очевидно-го! Ты находишь причины ревновать Дениса ко мне, хотя я как на ладони, соседка по лестничной клетке, а то, что Маша просиживает у него вечера, тебе параллельно?

– Светик, я его ко всем ревную – и к тебе, и к ней, к любому движимому и недвижимому. Еще ни одна баба мимо не прошла, все спотыкаются. Неужели ты думаешь, я не учла этот интересный факт, выходя замуж? Я просчитываю каждый шаг! При прыжке влево-вправо мой муж останется не только без крыши над головой, но и без любимых трусов от «Дольче». Я уже говорила, что мы подписали брачный договор об отказе от любых претензий на мое имущество в слу-

чае развода?

– Да это понятно, Ириш. Но только он не дурак, до развода дело не доведет. Я вообще не о том речь веду. Почему ты позволяешь ей приходить в твое отсутствие?

Ирина тяжело вздохнула и, вытащив сигарету из пачки, взглянула на соседку.

Они были знакомы уже года два, с момента переезда в новый дом. Муж Светланы, Игорь, занимался строительством и зарабатывал по нынешним временам немало. Это позволяло его жене и взрослой дочери жить в свое удовольствие. Дочь училась в английской школе, мама не пропускала ни одного сезона в «Галерее Лафайет» и «Золотом Треугольнике»⁵. Но основная «дольче вита»⁶ Светы заключалась в активном употреблении горячительного. Поэтому регулярные заседания ее мужа в компании соседки, ловко подливающей в рюмку, сердобольно охающей и поддакивающей собеседнику, вызывали у Ирины куда больше опасений, чем философствование с недалекой Машкой. Тот факт, что Фогель была не от мира сего, Ирина приняла и не обижалась, когда та пыталась давать «профессиональные» советы. Блаженная дурочка, вечно гоняющаяся за призраком идеального мужика. Дожила до тридцати пяти, но так и не поняла, что все в жизни надо хва-

⁵ Всемирно известные центры шоппинга в Париже и Милане.

⁶ Буквально: «сладкая жизнь». В данном случае имеется в виду главное удовольствие в жизни.

тать первой, за все надо драться, рвать зубами. Если не ты, то тебя!

В то же время именно наивность, смотрящая на жизнь доверчивыми глазами, и привлекала. Рядом с Машей спокойно. Уютно, как в детстве. Пахло пирогами и молоком с медом. А вот в обществе старающейся изо всех сил помочь советом Светы было сейчас очень тоскливо.

– Ладно, соседка. Закроем тему. Если честно, Денис у меня любитель женщин, но женщин особых – ухоженных, утонченных. Он на такую рохлю не польстится, пусть трещат о чем угодно, мне безразлично. А если что узнаю, выкину к чертовой матери! Вернется к своей бывшей. Хотя поздно, говорят, она замуж вышла. Но это его трудности.

Света встала и, подойдя к холодильнику, насыпала в вазочку колотый лед. На ее бесцветном бледном лице появились пунцовые пятна – первая реакция на алкоголь.

– Не знаю, не знаю... Смотри, как бы потом не пожалеть, Ириш.

Скользящие души. Homme Fatale. Продолжение

Маша шла по парку под руку с лучшей подругой Леной, с которой просидела десять классов за одной партой и потом стала крестной матерью ее сыну. Уже наступил октябрь, но погода баловала москвичей, ласковое солнце золотило верхушки лип и играло переливами в бордовой листве кленов.

В выходные в парке всегда много народу. Пожилые пары степенно шествуют по аллеям, поддерживая друг друга, лихие тинэйджеры гоняют на роликовых коньках, обгоняя семьи с колясками; праздные гуляки с банками пива оккупируют дальние лавочки. Играет музыка, и ряженные клоуны на ходулях зазывают маленьких гостей в парк аттракционов.

Музыка, аттракционы и клоуны – добрые посланцы – наполнили душу покоем и предвкушением праздника. Маша на миг вернулась в прошлое, во рту появился вкус лучшего в мире мороженого, того самого, из «Детского мира». Поход туда был доброй традицией, в нем заключался элемент магии, предвещающий покупку нового платья или туфель, а возможно, если повезет окончательно, то и куклы, что стояла на самой верхней полке в отделе игрушек и ждала Машу. И в один из дней эта кукла пришла к ней на день рождения. Поэтому, когда взрослой девочке становилось пасмурно на душе, она приезжала в сказочный магазин на Лубянке, где сбываются все мечты.

– У меня начинается новая жизнь. Новая страна – словно смена эпох. Буду изучать ее от корней, от самых истоков, иначе не смогу рассказать клиенту, почему именно Швейцария соответствует его чаяниям... – Ленин голос прервал приятные воспоминания.

– Здорово. Ты в непрерывном потоке, в вечном движении! А я завязла в трясине. Работа – дом – работа – дом. Пациен-

ты последнее время не радуют, ни одного интересного случая, только и делаю, что заполняю в карте анамнеза: «сезонная депрессия», «затяжной невроз», «панический синдром». Время сейчас такое: народ или пьет, или от страха за будущее сходит с ума.

– Маш, тебе надо срочно поменять работу. Иди в коммерческий центр, сейчас полно обезумевших от безделья дамочек, готовых любые деньги платить, лишь бы подтвердилась чушь, от которой мозги набекрень. Неужели у тебя нет связей? Попробуй через бывших сокурсников устроиться!

– Я думала об этом. Недавно Володя Смирнов звонил, он главврач в центре реабилитации, звал в штат. Представь: ближайшее Подмосковье, старый особняк, перепрофилированный под психиатрическую клинику... Берег реки, березки, сосенки – санаторий, одним словом... Сразу на тысячу евро в эквиваленте, представляешь? Для меня это нереальные деньги. Обещала подумать. Скорее всего, соглашусь. Так много мне никто не предложит. Единственный минус – каждый день на электричке туда и обратно трястись.

– Маш, дорога – не беда, зато сколько денег сразу. Девчонку свою оденешь, сама... Короче, обязательно соглашайся, – Лена взяла подругу под руку. – А теперь расскажи, что у тебя с Денисом.

– Лен, я не знаю, что у меня с Денисом! Меня загнали в угол!

– Так уж и в угол! Неужели его жена узнала?

– В том-то и дело. Она не догадывается. Стала еще больше откровенна, участлива. Я чувствую себя дрянью.

– Так, стоп! Во-первых, я никогда не поверю, что Кушнир прониклась к кому-то участием, кроме собственного отражения в зеркале, во-вторых, почему ты винишь себя в случившемся? Будь в их семье лад, он бы даже не взглянул на тебя. Согласись, на фоне Ирины Владимировны ты не видна, ты просто молекула. Извини, конечно, но кроме меня никто правду не скажет. Что ты чувствуешь к нему? Полагаешь, это чувство взаимно? Вот что сейчас главное.

Маша некоторое время шла, низко опустив голову.

Лена терпеливо ждала ответа, покрепче прижимая к себе острый локоток подруги.

– Знаешь, у него недавно был день рождения, я голову сломала над подарком.

– И что в конце концов купила?

– Ничего, я нарисовала пастелью желтого клоуна, играющего на скрипке, грустного Арлекина. Надеюсь, мой подарок еще не на помойке. Кушнир в первую очередь оценивает денежный эквивалент.

– Маш, почему так пессимистично? Не сомневаюсь, что рисунок стоил того, чтобы изменить правилам!

– Да, мне самой понравилось. Грустный клоун замер на последнем аккорде, беспомощно подняв скрипку. Кажется, что музыка только-только перестала звучать.

– Ну и? Что было дальше?

– Ну и... Все устроили по высшему классу. Вкусный стол, дорогие напитки, караоке, веселая и непринужденная атмосфера праздника. Мы пели, танцевали, смеялись как сумасшедшие. Но когда я уходила, он обнял меня при всех, прижал к себе и не отпускал несколько минут, уткнувшись в шею. Лишь когда его жена встала из-за стола, он рассмеялся и отошел в сторону.

– Да, эта ситуация мне не нравится. Надеюсь, он смог разрядить обстановку, одарив Кушнир особым десертом.

– Возможно, но меня напугало другое. Когда я стояла, прижавшись к нему, в голове существовала единственная мысль: «ВЕЧНОСТЬ». Мне привиделось, что души наши связаны. Давно и крепко – не разорвать. Очень странное ощущение: будущее, настоящее и прошлое сплелись в клубок, и над нами царит безвремье.

– Только не ищи мистику там, где ее нет. Это просто любовь-злодейка.

– Именно злодейка. В глазах остальных я предательница и разлучница. Хотя в последнюю очередь хочу разрушить их семью. Я прекрасно понимаю, что не смогу с ним жить. Он разбалован деньгами, своим ничегонеделанием, перегружен постоянным самокопанием, вечным стремлением анализировать ситуацию, он разочарован в уже совершенных и только планируемых поступках. Самокритичен, но при этом патологически пассивен. Все проблемы существуют только в его прекрасной голове, в реальности их нет, они иллюзорны

и превращаются в прах лишь одним волевым усилием. Вся его жизнь представляет собой бег по кругу упакованной в фирменные лейблы белки. Шаг в сторону – и обреченность испарится как утренняя дымка. Но этого шага он никогда не сделает. Его клетка во сто крат уютнее мира вокруг, который потребует от него быть мужчиной, нести ответственность за происходящее...

– Злая штука – любовь. Зачем он тебе?

– Сама не знаю. Мне органически его не хватает. Не вижу день-два – начинается ломка. Представь себе миллионы невидимых нитей, протянувшихся от его тела к моему. Я издали чувствую, когда ему плохо, за несколько секунд угадываю его звонок, могу представить, что он сейчас скажет. Какой именно фильм смотрит в данный момент или какую книгу открыл. Вот где мистика.

Лена, не верящая в экстрасенсорную чушь, скептически улыбнулась. Хотела было оспорить явный бред, но сдержалась.

– Дело зашло далеко. А в плане интима? Извини, что перевожу тему.

– Это непередаваемо. Лучше его у меня никого не было. Это что-то неземное...

Поняв, что под любой вопрос безумная Мария начнет подводить мистическую основу, Лена остереглась выспрашивать дальнейшие подробности.

Некоторое время женщины шли молча, шурша опавшей

лиственной и думая каждая о своем.

Лена – о том, как не повезло Машке – скромной, застенчивой, вечно во всем сомневающейся тихоне-фантазерке встретить роковую любовь. Можно не сомневаться, чем закончится эта история. Один шанс из ста, что благополучно.

Маша – о *нем*, она не могла сейчас вообще ни о ком думать, кроме Дениса Морозова.

– Итак, Мария Сергеевна, я дам вам совет, – Лена пыталась говорить бодро и оптимистично, несмотря на сомнения в душевном здоровье подруги. – Не предпринимай сейчас никаких шагов, не форсируй ситуацию, пусть жизнь сама расставит все по местам, и, поверь, это будет справедливо. А если поторопишься, то равновесие нарушится, и все полетит в тартарары! Поняла меня?

– Да, – обреченно выдохнула Маша.

Скользящие души. Ведьма из Текстильщиков

«Даже в кошмарном сне я не могла представить подобную ситуацию. Какого черта повелась на совет алкоголички и еду на другой конец Москвы? Ближний свет – Текстильщики! И еще согласилась взять ее с собой. Ну не высаживать же теперь на полдороге. Она потом мне весь мозг съест».

– Ириш, сверни направо, в арку, – сказала внимательно следящая за дорогой Светлана. – И не торопись, мне надо вспомнить, какой именно подъезд. Я была здесь ровно

год назад, когда Игорь с бухгалтершей шуры-муры водил. Я быстро его в чувство привела!

Красный «Опель» Ирины въехал в обычный московский двор-колодец на юго-востоке столицы. Безуспешно поискал место на парковке между машинами жильцов, распугал гуляющих мам и бабушек с детьми. В воскресенье, возможность пристроить авто в чужом дворе равнялась нулю, что еще больше злило и так находящуюся на взводе Ирину. И вдруг – о чудо! – желтенький «Пежо» выполз из укромного уголка между ракушками и двинулся к выезду.

Светка резво замахала рукой.

– Давай, быстро на его место. Видишь, сегодня наш день! Вот *ее* дом, – добавила она бодрым тоном и вылезла из машины.

Ирина осторожно открыла дверь, убедилась, что новые сапоги не пострадают от лужи, посреди которой удалось припарковаться, ступила на асфальт, огляделась. Дом как дом, крепкий, кирпичный, сталинской постройки. Было заметно, что ему не помешает капитальный ремонт. Балконы, заметно просевшие под тяжестью хлама, угрожают жизни не только своих хозяев, но и несчастных прохожих.

Света потянула ее под ближайший козырек. Пошарканная, подбитая фанерой подъездная дверь скрипнула. Резкий запах кошачьей мочи привел Ирину в чувство. Сморщив от омерзения нос, она угрожающе фыркнула:

– У тебя две минуты, чтобы довести меня до квартиры.

Иначе стошнит. И в таком хлеву живет хваленая ведьма?

– Тише, забыла предупредить: у нее в квартире пять кошек. Может, сейчас еще больше.

– Так это они здесь все обоссали?

– Ир, будь с ней вежливее. Она действительно ведьма.

– Посмотрим. Веди!

Поднявшись на четвертый этаж, женщины остановились перед дверью, украшенной надорванным по периметру дерматином и вылезавшими оттуда кусочками ваты.

«Представляю, какой бедлам внутри», – вздохнула госпожа Кушнир, брезгливо морщась.

Светлана, прочтя мысли подруги, хитро подмигнула: потерпи, мол, немного. И нажала дверь звонка.

По ту сторону двери раздалось птичье чириканье, за которым в течение минуты ничего не последовало. Света позвонила более настойчиво и смущенно взглянула на соседку:

– Ничего не понимаю, я утром с ней говорила. Сказала, будет ждать.

Ирина закатила глаза и уже готова была броситься прочь из смрадного подъезда, как дверь открылась. Серая мордочка котенка просунулась в отверстие и подняла на женщин любопытные глазки. Увидев незнакомок, зверек юркнул назад в квартиру.

В проеме стояла молодая женщина, одетая в голубой спортивный костюм. На голове ее возвышался махровый

тюбан.

– Извините, я в ванной была, не сразу услышала. Проходите, не стесняйтесь, вот здесь тапочки. А ну кыш, мелюзга!

Хозяйка пропустила посетительниц внутрь и угрожающе топнула, прогоняя любопытных кошек, заполонивших коридор. Их было явно больше пяти.

Ирина вошла, приготовившись к картине бедности и разрухи, но оказалась приятно удивлена, увидев уютные, со вкусом обставленные апартаменты.

– Давайте знакомиться. Меня зовут Ирина, – хозяйка улыбнулась.

– Меня тоже Ирина.

– Тезки. Это к лучшему, будем на одной волне. Проходите, не стесняйтесь. Вы к хвостато-полосатым как относитесь?

Визитерша сдержанно улыбнулась. Кошек она любила, но не в таких количествах.

Хозяйка поняла правильно.

– Не буду злоупотреблять вашим терпением. Сейчас прогоню лишних, оставлю Дымка, он мой проводник.

«Проводник? Куда?» – чуть было не задала вопрос Ирина, но вовремя одумалась.

Женщины расположились на диване, пока хозяйка, прихватив на руки серого перса, освобождала гостиную от лохматых домочадцев.

Обычная двухкомнатная квартира была оформлена в сти-

ле арт-нуво⁷. Мягкая уютная мебель, современный журнальный столик из стекла, покоящийся на гнутых ножках, плазма в углу, пирамидка дисков. Линии интерьера обтекаемы, воздушны, ни одного острого угла, ни одной тяжелой для глаза детали.

«Где ведьминские атрибуты? Полутьма, свечи, вездесущий хрустальный шар, где загадочный антураж, который демонстрируют в фильмах о сверхъестественном? Может, Света ошиблась и привела меня к обычной гадалке-любительнице, помешанной на кошках? Их противный запах не застит даже модным интерьером».

Легкое разочарование заползло в душу.

Выгнав последнего хвостатого, хозяйка, не выпуская перса из рук, подвинула кресло к столику и села напротив заскучавшей гостьи.

Влажные, аккуратно убранные за уши темные волосы открывали приятное лицо с высокими скулами. Крупноватый нос его не портил, пухлые розовые губы добавляли шарма, делая женщину очень соблазнительной.

Ирина Кушнир натолкнулась на пронзительный взгляд светлых, отливающих изумрудом глаз.

– Ну и? В чем ваша проблема? – нарушила тишину хозяйка.

В воздухе повисла пауза. Ирина, обычно смелая и реши-

⁷ В пер. с фр. – «новое искусство». Стиль, характеризующийся большим количеством изгибов и плавных линий.

тельная, замялась, не зная, как сформулировать суть. Простой на первый взгляд вопрос оказался перегруженным деталями.

Спросить «Любит ли мой муж другую женщину?» – глупо, если сама не веришь в возможность ясновидения.

Вопрос «Любит ли мой муж *другую* женщину?» – загодя унижает.

Ирина чувствовала себя не в своей тарелке.

«Что я здесь делаю? Ведущий топ-менеджер, один взгляд которого вызывает трепет у подчиненных, преклонение, подхалимство. Вечную заискивающую лесть. И сейчас я должна признаться в поражении от рук грызуна? Серой мыши – Машки?»

Хозяйка квартиры, поглаживая кота за ушками, не мигая смотрела на смутившуюся гостью. Ухмыльнувшись, спросила:

– Ира, вы в детстве запирались в кладовке, прячась от домработницы, и думали, что благородные рыцари спасают принцесс с одной-единственной целью: чтобы те потом сели им на шею.

Ирина подняла на хозяйку испуганные, полные недоумения глаза. Какого черта?

– А когда подросли, мечтали о волшебном говорящем зеркале! Я права?

– Да, – испуганно выдохнула женщина.

Светлана подмигнула: мол, я же говорила, она супер!

– Итак, в сторону смущение, тетка. Не тяните – мое время стоит дорого.

Покрасневшая Ирина достала из сумочки фотографию, на которой были запечатлены Денис и Маша, и молча положила на стол.

Хозяйка протянула руку, украшенную острыми, как стилеты, гелиевыми ноготками, осторожно подцепила ими снимок.

Пока ее глаза внимательно изучали фото, правая рука совершала странные пассы, словно что-то пыталась сдвинуть с поверхности бумаги. Чудные манипуляции продолжались некоторое время, потом ведьма подняла на Ирину смеющийся взгляд.

– Ну и что вы хотите от меня, сударыня?

От неожиданности Ирина начала заикаться:

– А ч-что вы мне можете сказать о...

– Ничего особенного. История банальна до оскомины. Вас подвинули в сторону, забыв об этом спросить. Не так ли?

– Не знаю. На самом деле я пришла, чтобы узнать...

– ...есть ли между ними связь? Как бы точнее ответить на вопрос, чтобы стало понятно человеку несведущему? – ведьма покосилась на гостью. – Вы – полный zero в ситуации. А сердиться надо в первую очередь на себя. Чаще задумываться о правильности поступков – неплохой совет. Следуй вы ему, сегодняшнего разговора не случилось бы.

Итак, что связывает этих людей? Их связывает прошлое,

оно у них одно. Принять такой факт без доказательств сложно. Буду говорить доступно: этих людей связывает нить, основанная на кровном родстве.

Ирина скривилась.

– Что значит «кровном»?

– Я выражаюсь гипотетически.

– И это все?

– Нет, не все. Сложно не почувствовать тепло, исходящее от ее образа. Это означает дружеское отношение, а чаще всего любовь. Женщина любит стоящего рядом мужчину. Все просто. Ничего поделаться нельзя.

– Что значит просто? Мне это совсем не просто! Надо с этим что-то сделать. Я заплачу за... как там ее...

– Рассорку, – подсказала Светлана.

– Точно. Сколько возьмете?

– Подождите, сударыня, мы дойдем до расценок, но вначале обсудим диагноз.

Итак, эта женщина... как ее имя? Маша... Мария... Фамилия? Так, вот лист бумаги и ручка – пожалуйста, напишите ее полное имя, отчество, фамилию, дату рождения, место жительства. И не улыбайтесь, мы заведем настоящее, как в отделении милиции, дело на вашу соперницу.

А что касается исправления ситуации, то вариантов два, и оба требуют хирургических методов. Резать к чертовой матери, не дожидаясь перитонита! Шучу. Первый вариант – устраняем ее. Не надо так удивленно смотреть на меня! Вы

пришли сюда не в куклы играть. Да, мы устраняем ее полностью, дарим хроническую болезнь, полностью переключаем энергию с объекта любовной горячки на спасение собственной жизни.

– А второй? – спросила побледневшая Ирина.

Ведьма рассмеялась:

– Люблю смотреть, как меняются лица клиенток, стоит пахнуть жареным. Вы становитесь робкими и безобидными мышками. Бойтесь наказания? Увы, его не избежать. Но об этом позже.

Второй вариант – мы переключаем энергетику мужчины исключительно на вас. Вы станете богом и судьей своему любвеобильному мужу. Кумиром, идиолом, высшим «Я». Мы замкнем его чакры, сделаем реципиентом.

Теперь слушайте внимательно. В любом методе или лекарстве есть противопоказания и побочные эффекты. О них коллеги по цеху предпочитают умолчать, зарабатывая на жизнь, а я дама честная, поэтому предупреждаю.

Любое решение, которое вы примете, мы письменным образом закрепим. Вы подтвердите свою ответственность за выбор и мою скромную роль *исполнителя*.

Ирина наткнулась на холодные, цепкие глаза ведьмы, беспрепятственно хозяйничающие в ее душе. Смутившись, опустила взгляд и наткнулась на вторую пару огней с поперечной полосой.

«Окружили, демоны», – мелькнула в голове дурацкая

мысль. Ира закашлялась, скрывая испуг.

– Говорите, по факту примем решение.

– Узнаю бизнесвумен, – довольная произведенным эффектом, хозяйка улыбнулась. – Позиция номер раз: наказываем женщину. Гарантия успеха в силу накопленного опыта стопроцентная. Противопоказания – любовь. Мы убьем любовь, точнее, она сама себя изживет, жертва озаботится собственным существованием и стремлением выздороветь. А это, как ни крути, преступление против Господа. Уничтожить святое чувство, что убить человека – один грех. Не тобой подарено, не тобой и взято будет. Тем не менее приглушить можно, правда, как известно из школьной программы, – на каждое действие найдется противодействие. Повлияв на мужчину, мы косвенно накажем и ее, эта манипуляция относится к щадящему способу решения проблемы. Стоп, не перебивайте меня! Терпение никому еще не мешало. Теперь о побочке первого варианта.

Догадавшись об истинной причине недомогания, Маша сможет при желании избавиться от него, я не самая сильная в цеху, есть коллеги куда могущественнее, кто знает, куда ее судьба в процессе спасения приведет. Известные со школы законы физики здесь не работают. Противодействие приведет к тройственному откату, который перейдет на заказчика. Вы приляжете на больничную койку не с хроникой, подаренной подружке, а с онкологией или прогрессирующим Альцгеймером... мяу!

Поэтому, если не хотите рисковать, то остается второй вариант. Мы делаем классический приворот мужа на вас и одновременно остуду на Марию Сергеевну. Любое воспоминание о ней будет вызывать рвотный инстинкт, как от соприкосновения с гнилым мясом или, ну... клубком червей. Веселая картинка, а главное, беспроигрышная! Мы одним выстрелом убиваем двух зайцев. Бабах – и все счастливы. Или несчастливы – с какой стороны посмотреть.

Сместив фокус мужчины, перебив нити, мы лишим Машу возможности дарить тепло, его начнет поглощать Пустота, ненасытное Ничто. До тех пор, пока бедная девочка, обесилев, не начнет задумываться: почему так тускло, ненастно и беспросветно вокруг? Но концов ей не найти, источника своих бед она не определит, потому что источник находится в человеке, которого она продолжает любить.

Как считаете, Ирина, достойна соперница такого наказания? Филигранного, жестокого?

В этом случае любовь мы не убиваем, а предоставляем жертве совершить этот грех самой, лишь бы выжить, выползти из замкнутого круга несчастий. Или сделать божественный выбор: признать любовь бескорыстную и также выползти из тупика на свет. Могу сказать, что до состояния просветления добираются не многие.

У Ирины разболелась голова от монолога ведуньи. Она бросила быстрый взгляд на прикорнувшую на кресле Свет-

лану. Спит.

Янтарноглазый кот не сводил с Ирины гипнотических прищуров, кривил пасть в чеширской улыбке. Еще секунда – и он заговорит на уэльском диалекте:

– Ничего личного, мисс. Just business⁸... мр-р-р.

Женщина зажмурилась, пытаясь отогнать наваждение.

– Не знаю. Мне раньше казалось, привороты – для умалишенных истеричных особ. Не думала, что сама займусь этой чертовщиной!

– Ну, всегда приходится с чего-то начинать, Ваше Величество, – мрачно ответила хозяйка и вздернула уголки рта подобно коту.

– Мне надо подумать. Не хочу делать Машке плохо, она недалекая и наивная, доверчивая дурочка, дети наши дружат с детского сада. Скажите, если все получится как мы задумали, ей будет *слишком* плохо? – Ирина не узнавала свой голос.

Хозяйка расхохоталась. Резко запрокинула голову. Длинные подсохшие волосы крыльями неведомой птицы взмыли вверх, мягкими волнами легли на плечи.

– Это точно: москвичи не изменились, милосердие порой стучится в их сердца. Но сейчас вы по разные стороны баррикад. «Доверчивая дурочка» – опасный противник. Блаженные девицы непредсказуемы в поступках. В любви, как на войне, все средства хороши. Решайте, мое дело осуществить, заручившись письменным согласием. Поезжайте домой, спо-

⁸ В пер. с англ. – «только бизнес».

койно все обдумайте, а завтра до обеда наберите – вот номер. Денег пока не возьму. Я привыкла осуществлять справедливый обмен. На данный момент я не заработала ни копейки. Лишь повеселилась.

– Хорошо, можно задать вам последний вопрос?

– Извольте.

– А Денис любит ее? Вы это можете почувствовать?

Ведьма неожиданно улыбнулась:

– Думала, не спросите. Я открою вам половину правды, не лишив себя удовольствия понаблюдать за принятием решения и за вынесением приговора ни о чем не подозревающему человеку. Да, ваш муж испытывает чувство, его образ теплый, но не горячий. Не скажу самого главного – к кому! И не просите. Помучаю вас, сотворю интригу. Примерьте мантию судьи или колпак палача. Или то и другое вместе. Неплохо прозвучало – судья или палач. Что вам больше нравится? Это конец нашей встречи. Думайте.

Скинув с колен задремавшего перса, ведьма встала. Молча прошла в коридор, дав понять, что визит закончен. Ирина протянула руку за фотографией, но была остановлена.

– Фотография должна остаться у меня. Это правило. Откажетесь от услуг – я ее уничтожу.

Ирина послушно отдернула руку, толкнула задремавшую на мягком уютном диване Светлану.

– Спа...

– Стоп! – резкий, если не сказать грубый окрик испугал женщину. – Зарубите себе на носу, Ирина Владимировна. Благодарность сейчас неуместна. Не поминайте Бога всуе. Он спасет в самый неожиданный момент, когда меньше всего на него рассчитываешь. Ну что же – жду звонка, даже в случае отрицательного решения.

Проводив взглядом женщин, выходящих из подъезда, ведунья тяжело вздохнула и достала сигарету.

Сегодня по-настоящему мерзкий день. Гнетущее чувство возникло сразу, стоило согласиться на разговор с новой клиенткой. Но кто мог предположить, что семейная ситуация, с виду обычная, на самом деле окажется такой опасной?

Теперь все зависит от решения, которое примет обманутая и униженная красотка. Рассчитывать на безопасный вариант шансов мало, но они есть... Остается надеяться, что рациональный ум возобладает над обидой и амбициями. Клиентка вернется к обычному восприятию жизни и посчитает сегодняшний визит неудавшейся шуткой, своего рода развлечением.

Тяжело вздохнув и выпустив в форточку тонкую струйку дыма, Ирина решительно затушила окурочек и взяла в руки телефон.

– Добрый день, Борис Михайлович, – произнесла спокой-

ным тоном. – Извини, что долго не звонила, не было новостей. У меня все отлично, спасибо. У Виктории пока без изменений, состояние не стабилизировалось. Если что-то произойдет, ты узнаешь первым. А пока не забыла, спрошу: как прошла стерилизация? Кетти быстро отошла от наркоза? ... Да, ветеринар опытный, он всех моих зверушек лечил, и не одного осложнения, я же дурного не посоветую. ... Отлично. Ты ей корм купи, который я советовала. Название сохранилось?

Итак, к делу, дорогой крестный. Я нашла две Скользящие. Вмешиваться не хочу. Фотография у меня, ты должен сам посмотреть. Тактильная отдача страшная. Рука практически обуглилась. Если клиентка закажет ритуал, я откажусь... Хотя деньги нужны позарез! О какой защите ты говоришь? Мне мало не покажется, а что про заказчицу говорить? Калечить я ее не хочу, как-никак пришла за помощью.

Если они – *те самые*, что делать? ... Оставить в покое? Легко сказать. Я и так погрела тщеславие, поглумилась над клиенткой... Разыграла представление, чтобы испугалась. Мое кредо – дураков надо лечить. Поняла. И тебе всех благ.

Женщина аккуратно поставила трубку на базу, взяла перса на руки и тяжело вздохнула:

– Дымок, черт меня дернул... Но лишние деньжата не помешают.

Ирина Кушнир вышла из подъезда с тяжелым сердцем.

Не покидало ощущение, что побывала в параллельной реальности, где возможно все: наговоренная болезнь, смерть или любовь до гробовой доски. Любой каприз за деньги заказчика. Ира уходила в твердой уверенности, что теперь любое желание осуществимо, как на приеме у Золотой Рыбки или на аудиенции у Джина. Единственное отличие заключалось в подписании договора купли-продажи и в оплате рублями по факту.

Полный маразм. До чего она докатилась?

На обратном пути Светлана, проспавшая все интересное, пыталась выпытать подробности, но Ирина грубо оборвала ее вопросы. В последнюю очередь ей хотелось обсуждать разговор с недалекой соседкой. Важно взвесить все «за» и «против», поразмышлять об успехе и необходимости задуманного. Стоит ли игра свеч? Стоит ли Денис прилагаемых усилий? Или, может, оставить все как есть и не морочить голову? Куда важнее сейчас запланированная поездка в Лондон, тем более что генеральный одумался и заявил на этот раз только одну кандидатуру. Выжал из молодого безмозглого тела все возможное и успокоился.

Остается совсем немного времени, чтобы сменить гардероб.

Ревность позволила скинуть пару килограммов. Уже плюс. Надо еще подыскать компромат на других участников конференции. Для ведения переговоров лишние козыри не помеха.

Так что важнее? Ее будущее, продвижение по служебной лестнице или наказание не в меру расшалившегося мужа? Красивой вещи, что на раз-два украла у другой женщины. Отмыла, одела, обула, накормила и напоила. И где благодарность? Вещь должна знать свое место. За все надо платить. за джинсы от «Армани», за трусы от «Дольче», за горы зимой, за море летом. Забыл Дениска, что вечный должник...

Ее размышления прервал телефонный звонок. На дисплее определился номер Маши.

– Все верно: на ловца и зверь бежит, чует кошка, чье мясо съела, – бормотала под нос Ирина, не решаясь ответить на вызов. Но, прослушав почти всю мелодию, нажала на прием.

– Вас слушают! – голос ее был холоден как никогда.

– Ира, ты? Привет! Я думала, не дозвонюсь. Ты можешь говорить?

– А что такое? Плохие новости?

– Да нет, слава богу. Вчера встречалась с нашей одноклассницей, Леной Сокольской, помнишь ее? Она летит в Цюрих. Может маме твоей лекарство купить, ты говорила, что оно к нам не импортируется, а там в аптеке без рецепта. Это еще актуально?

У Ирины все поплыло перед глазами, она резко свернула на обочину, чтобы успокоить заколотившееся сердце. Спящая сзади Светка недовольно заворчала.

– О чем ты говоришь! Конечно! Спасибо, что вспомнила

обо мне. А будет ли удобно просить об этом Лену?

– Конечно, удобно. Я сказала, ты ей наберешь и продиктуешь правильное название. Ее номер сейчас эсэмэской сброшу.

– Хорошо. Еще раз спасибо большое, ...Маш.

– Да ладно, не за что. Как у вас дела?

– Все... нормально, точнее, без изменений.

– Ну и отлично. Давай, пока!

– Пока, Маш. Пока.

Ирина кинула телефон на соседнее сидение.

«Господи, что я творю? Что собираюсь сделать с доброй Машкой? Ничего у них нет и быть не может. Хватит слушать пьяную соседку, ей может примерещиться что угодно, пусть лучше за своим Игорем следит, чем за моим мужем. Да и какое ее дело? В чем ее выгода? Поссорить меня с Машей или в чем-то еще? Почему я никогда не думала, что Светлана сама преследует определенную цель, раз так часто зудит в уши? Нет ли здесь подвоха? Не хочет ли она занять место исчезнувшей подруги и под сладкую рюмочку прибрать Дениса к рукам? Стоп! Хватит. Я действительно схожу с ума.

Надо взглянуть на ситуацию по-другому. У нас с мужем больше недели не было секса, и пора поразвлечься. Заеду-ка я сейчас в хороший супермаркет, прихвачу бутылочку брютта. Пора принять ванну при свечах».

Ирина высадила разморенную с дороги Светлану и, со-

славшись на неотложные дела, поехала в магазин. Тело дрожало в предвкушении ласк, голова кружилась в легком томлении, мысли путались. Быстрее!

Спустя полчаса она распахнула дверь квартиры. Дениса не было дома. Это неожиданное открытие стало началом конца. На мобильный супруг не отвечал, лишь монотонный и равнодушный голос не уставал повторять, что абонент недоступен или находится вне зоны действия сети. Горькое как полынь разочарование защидало в уголках глаз, скрутило горло. Ирина сглотнула комок обиды, смахнула подступившие слезы.

В этот момент в голове соткалась картинка – интуитивная, призрачная, но женщина уже знала, что она верна. Ирина набрала номер Маши. Слушая длинные гудки, она предвкушала страшную правду, видела сплетенные страстью тела, мокрые от пота губы, слившиеся в жарком поцелуе, стоны, нежные слова... Знала, что так оно и есть.

Ира подошла к дому, где жила Маша, решительно переступила порог в подъезд и еле дыша поднялась на третий этаж. Остановившись у знакомой двери, поймала себя на мысли:

«Какое странное ощущение. Будто это происходит не со мной, словно не я нажимаю на кнопку звонка. Другая.

С Ириной Кушнир *такого* произойти не могло, ее муж не должен трахать подругу! Кто-то другой может, он – нет. Это *глупо*. Так случается в бульварных романах. Королева не

достойна грязи».

Ирина не мигая, борясь с подступающими слезами, смотрела на дверь и ждала.

Маша открыла лишь на третий продолжительный звонок. Опущенные в пол глаза, дрожащие руки, придерживающие на груди махровый халатик, лихорадочный румянец на лице Марии явились неопровержимым доказательством «глупой» правды.

Стоило Ирине взглянуть на теперь уже бывшую подругу, услышать за дверью в спальню шелест спешно одеваемых вещей и уловить аромат знакомого одеколona, как привычный мир рухнул и с дьявольским хохотом покатился в преисподнюю.

Ирина развернулась на шпильках и направилась к лестнице. В полной тишине, слыша лишь оглушительное, отдающее эхом до верхнего этажа цоканье собственных каблуков, она вышла на улицу.

Предательница не осмелилась молить о прощении.

Не успев дойти до дома, Ира набрала записанный впопыхах номер.

Через три гудка ее тезка сняла трубку.

– Здравствуйте, я еще не успела соскучиться. Что-то случилось?

– Да, – обманутая жена не узнавала свой голос, – я приняла решение...

Ира интуитивно почувствовала напряжение на другом конце.

– Может быть, вы позвоните мне завтра? Поспешить, как известно, – людей насмешить...

– Нет, решение я не поменяю. Я заказчик – вы исполнитель, не так ли? Так вот: вариант номер два.

На том конце линии Ирине почудился вздох облегчения. Или ей показалось?

– Заказ принят. Можете через пару-тройку часов подъехать. Запоминайте, что необходимо захватить...

Скользящие души. *Finita la comedia*⁹

Маша стояла в коридоре, вжавшись костлявыми лопатками в стену, боясь отступить от нее на шаг. Отойди она в сторону, весь мир рухнул бы в тартарары, завертелся в адском круговороте. Центр Вселенной, точка опоры, спасающая настоящее от неминуемой катастрофы, находилась сейчас у нее за спиной, на уровне плеч. Она подпирала стену коридора, не позволяя реальности раскачиваться, спасая свою действительность от нарастающей амплитуды гигантского маятника.

Маша в странном оцепенении наблюдала, как Денис молча оделся и, не поднимая глаз, небрежно кинул в ее сторону вопрос-утверждение:

– Она меня не видела? Значит, меня здесь не было. За-

⁹ В пер. с фр. – «концерт окончен».

помни! Меня здесь НЕ БЫЛО никогда.

Через секунду его действительно не стало. Запоздалый флер аромата мелькнул в воздухе и растаял, пустившись вдогонку за хозяином.

Оцепенев, Маша смотрела в щелку полуоткрытой двери, ведущей на лестничную площадку. В проход, тайную лазейку в мир, ставший теперь чуждым, недостижимым.

Коленки, о которых она и думать забыла, сломались, словно хрупкие тростинки. Тело тихонько сползло на пол.

– Умоляю, дайте мне поплакать, – последняя разумная просьба мелькнула в ее голове, перед тем как равновесие нарушилось. Маятник увеличивал амплитуду. Действительность затрещала по швам и, подобно сверхновой, взорвалась в ее голове, разлетелась на куски, унося в пустоту остатки сознания.

– Или лучше умереть...

– Ха, дурашка!!! Три-ноль!! Нокаут!

– Модник, не злорадствуй!

Скользящие души. Veneficia Vulgaris – колдовство обыкновенное.

Ирина удивлялась: откуда-то возникла уверенность, что она не будет плакать. Да, совершенно точно, она не будет плакать. Ей совсем не обидно, ей на самом деле легко. Лег-

ко от осознания правды, от исчезновения мучавших долгое время подозрений, сомнений, недомолвок. Наконец-то все закончилось. Жить с правдой, оказывается, намного легче, намного разумнее.

Она уже почти выходила из дома, собрав вещи, принадлежащие Денису. Его затасканную до дыр футболку, расческу, визитку. На всякий случай прихватила оставшийся со свадьбы, завалившийся за стопку постельного белья кружевной цветок, украшавший ее собственную прическу. И, пожалуй, единственный логичный предмет из названного списка – их совместную фотографию, сделанную во время медового месяца, проведенного в роскошном отеле на Мальдивах.

Тихо щелкнула дверь, и в коридоре послышался мягкий голос, заставивший вздрогнуть всем телом.

– Привет, малыш, ты уже дома?

Ирина сжалась, сдерживая волну холодного омерзения, накрывшую ее с головой.

– Почему не набрала мне? А то я с Джоном в зале языками сцепился, он пока про всех телочек не расскажет – не успокоится.

Ирина резко повернулась к Денису и заставила себя взглянуть на него. Боже!

Он смотрел на нее не мигая и улыбался. Казалось, он искренне радуется встрече.

На одно короткое мгновение в голову закралось сомнение: «Что если я ошибаюсь? Я его не видела, почему тогда

решила, что у Маши был он?» Но стоило ей вспомнить потухшие глаза подруги и витающий в коридоре аромат туалетной воды «Гуччи Спорт», подаренной на день рождения, как сомнения развеялись.

Да «Гуччи» здесь и ни при чем! Просто дуручка не могла врать, ее пунцовые щеки, ее молчание выдали предателей с головой.

Денис подошел к Ире ближе, уткнулся носом в щеку.

– Девочка моя, я так устал от разговоров, что всю дорогу думал о тебе. Сколько бы Джон ни пел песен о своих девушках, ты для меня лучшая, – мужчина настойчиво, по-хозяйски дотронулся до груди женщины, сжал ее предательски затвердевший сосок. – Пойдем, малыш, у меня уже сил нет, – прошептали жаркие манящие губы.

Ирина не понимала, почему вместо отвращения, которое вызывал оставшийся на его волосах чужой запах, в ней стремительно, подобно лавине, растет возбуждение. Чувство оскорбленного самолюбия неожиданно сублимировалось в желание самоутвердиться и возымело неожиданный эффект. Не говоря ни слова, ожесточенно срывая с Дениса одежду, она толкнула его к кровати.

И сейчас, получив неожиданную разрядку, стоя под упругими струями душа, она, словно Венера, рождалась заново, смывала с себя остатки предательской страсти, такой сладкой и желанной.

– Нет, дорогой, никому я тебя не отдам. Ты мой, только

мой, – твердила она как заклинание. И в этот момент, прислушавшись к подсознательному инстинкту, промокнула носовым платком оставшуюся на бедре каплю семенной жидкости, после чего спрятала платок в косметичку.

Ирина прикрыла дверь чужой квартиры и на цыпочках прошла к лестнице, желая остаться незамеченной. Спустилась с четвертого этажа панельного дома-колодца, не поднимая головы, добежала до машины, и только захлопнув дверь, почувствовала небольшое облегчение. Словно салон «Опеля» был способен отгородить ее от таинственного мира, который она только что оставила, от сомнений и раскаяния в совершенной ошибке. Мимолетная иллюзия безопасности, но даже она сейчас была необходима.

Чувствуя себя на родной территории, Ирина трясущимися руками достала сигарету и, глубоко затянувшись, прерывисто выдохнула дым.

– Успокойся, дыши ровно! Ничего не произошло и, скорее всего, не произойдет. Стоп, нет, я должна верить этой блаженной, больной на всю голову ворожее, иначе потраченная сумма, равная поездке на сейлы¹⁰ в Милан, полетит ее же толстому коту под хвост. Все будет хорошо, я верю, верю! Тьфу ты, черт, как я могла ввязаться в подобное дерьмо?

Повернув ключ в замке зажигания, Ирина, не обращая внимания на взвизгнувшую за капотом дворничиху, покину-

¹⁰ От англ. Sale – «распродажа».

ла двор дома в Текстильщиках.

Быстрая езда по Москве как всегда привела ее в чувство, заставила сосредоточиться и подчинить разум простым движениям. Инстинкт самосохранения отключил ненужные эмоции и дал мозгу передышку. Ирина давно открыла для себя панацею от душевных дрязг и смятений: экстремальная скорость. Не в первый раз она спасала ее от подступающей истерики.

Куда делась та ирония от первой встречи с колдуньей, от ее обиталища, вызывающего раздражение и насмешку, куда пропало чувство, что перед ней разыгрывают фарс или, проще говоря, надувают как последнего лоха? Сейчас все было по-другому. Мир прошлого канул в Лету за порогом сталинки.

Управляя машиной, доверив ее неоднократно проверенному чувству самоконтроля, Ирина восстанавливала картину произошедшего в последние часы.

По дороге к дому колдуньи, в Текстильщики, она старалась не сомневаться в правильности решения довести задуманное до конца. Она подгоняла себя и машину, не обращая внимания на спидометр и гневные сигналы подрезаемых по дороге водителей, она мечтала поскорее оказаться в вонючем кошачьем подъезде, будто опасаясь, что стоит ей затормозить – и сомнения возобладают.

Что дальше?

Она с остервенением жала и жала на звонок, потому что ей никто не открывал дверь, словно давая последний шанс одуматься.

Но нет!

Затянутая в синее, атласное, подчеркивающее фигуру платье хозяйка возникла на пороге.

Ирина Кушнир с невольной завистью констатировала: ее тетка в первую их встречу намеренно скрывала свою красоту. Женскую силу, первородную, дикую, опасную. Будучи опытным игроком, она почувствовала редкого соперника.

– Извините, Ирина Владимировна, у меня был настолько важный телефонный разговор, что я не захотела его прерывать. Проходите.

Сдерживаясь от нахлынувшей злости, стараясь не съязвить и не поставить зарвавшуюся шарлатанку на место, госпожа Кушнир переступила порог знакомой квартиры.

Что дальше...

Она сидела в полутемной комнате, освещенной дрожащими всполохами четырех толстых свечей, расположенных по углам. Ирина не заметила эту комнату при утреннем посещении. На этот раз ведьма провела ее прямым путем сюда, в маленький закуток, где единственными источниками света служили высокие красные свечи и мерцающий стеклянный шар, внутри которого застыл скорпион, атакующий невидимую жертву. Зловещий аксессуар покоился на столе, покрытом кроваво-красной бархатной скатертью. Замысловатые узоры

вышивки на ней, выполненные парчовой нитью, изображали странные рогатые символы, вплетенные в цветочный орнамент. Ира восхитилась изяществом и тонкостью работы. Несомненно, эта скатерть стоила немалых денег. Подобную красоту она видела во Флоренции, в ремесленной лавке, облюбованной знатоками, приезжающими со всего мира. Сохранив со времен Боккаччо и Джотто свое изящное мастерство, флорентийки передавали его из поколения в поколение.

Следуя жесту хозяйки, приглашающей сесть напротив, Ирина опустила на стул, не в состоянии отвести восхищенного взгляда от золотого узора и пытаясь разгадать его тайный смысл.

– Ирина Владимировна, не стоит отвлекаться на вещи ненужные и пытаться вникнуть в суть древнеарамейского охранного заклятия, вышитого на моей рабочей скатерти. Не будем терять драгоценного времени, тем более что у меня на сегодняшний вечер не только вы в планах, но и еще одна обезумевшая от ревности дамочка.

Надменный тон хозяйки заставил Ирину оторвать глаза от бархатного полотна. Пряча закипающий гнев за прищуром и вежливой улыбкой, она взглянула на собеседницу.

Та, заметив еле сдерживаемое раздражение клиентки, снисходительно улыбнулась:

– Итак, перейдем к делу. Вы принесли все, что требуется? Отлично. Показываем.

Резкий звук предупредительного сигнала справа заставил Ирину отвлечься от воспоминаний и вернуться в реальность. Ведя машину на автопилоте и уходя из перекрытого ремонтного левого ряда, она не обратила внимания на мчащийся в соседнем внедорожник, не ожидавший резкого перестроения. Машина гневно просигналила, но все же дала место для маневра. Привычный оскорбительный жест рукой Ирина не продемонстрировала, наоборот, виновато улыбнулась в зеркало заднего вида.

Сил задираться не осталось.

Придя в себя, отдышавшись от резкого прилива крови к вискам, вызвавшего болевой спазм, женщина вернулась к воспоминаниям.

Почему-то в самом начале беседы возникло ощущение вины, она чувствовала себя нашкодившим ребенком. Распределение ролей произошло сразу, стоило переступить порог квартиры. Ира постоянно ловила себя на мысли, что оправдывается и как будто заранее жалеет о происходящем. Властный, требовательный тон хозяйки не позволял ей перенять инициативу в диалоге, не оставлял ни единого шанса говорить на равных.

Она запомнила лишь начало беседы, ведь оно показалось ей наигранным, почти театральным.

Хозяйка несколько раз попросила произнести вслух точ-

ное пожелание, за исполнением которого Ирина ехала с другого края огромного города, несмотря на вечерние пробки. Это монотонное повторение казалось нелепым и показным, но перечить она не могла, ее воля, несмотря на внутренний протест, полностью контролировалась сидящей напротив женщиной.

Более всего поразило, что ведунья трижды попросила произнести простую фразу, прозвучавшую совсем по-детски, что это – только *ее* воля, исполнение которой будет соответствовать только *ее* желанию.

Да будет так!

...море волнуется РАЗ, море волнуется ДВА, море волнуется ТРИ, морская фигура, на месте замри!.. – настигло воспоминание о детском волшебстве.

«Что за ерунда!» – чуть не сорвалось с губ, но Ира вовремя осеклась, с удивлением и даже с испугом глядя на сосредоточенное лицо хозяйки.

«Да она свихнувшаяся шарлатанка. Что я здесь делаю? – еще одна мысль мелькнула в голове. – Если прямо сейчас встать и уйти, она отпустит меня? Или поздно, уже закипел волшебный котел?»

– Отлично, Ирина Владимировна, необходимые формальности мы соблюли, договор, пусть не фактический, но не менее важный и легитимный, заключили. Можете мне пове-

ритель – он крепче, чем подписанный на бумаге.

Из-под бархатного покрывала появились несколько благовонных палочек и тонкие свечи. Через мгновение воздух наполнил пряный аромат Востока. Ведьма зажгла свечи и поставила их рядом.

Исходящий от курительных палочек и свечей резкий запах вызвал головокружение. Ирина схватилась за край стула, на котором сидела.

– Не волнуйтесь, вам ничего не грозит. Что может быть опасного в аромате вербены и пачули? Или пчелиного воска? Расслабьтесь, сядьте удобнее и смотрите, если появится желание закрыть глаза – закройте. Главное, прислушайтесь к себе, к своим ощущениям, плывите по сладким волнам, фантазируйте, мечтайте, желайте несбыточного. Вам дозволено. Вы во власти Великой Богини, откройте ей сокровенное чаяние.

Подчиняясь монотонному голосу ведьмы, Ирина опустила потяжелевшие веки, откинулась на спинку стула и незаметно для себя погрузилась в состояние полудремы. Приторный аромат, потрескивание свечей, тихий свистящий шепот, состоящий из отрывистых, непонятных слов, произносимых на наречии, напоминающем мертвую латынь, окружили ее плотным кольцом.

Время потеряло счет. Казалось, что странный полусон-полуявь длится уже целую вечность. Как вдруг резкий шипящий звук вывел ее из забытья. Место напротив пустовало.

Она обернулась на стоящую за спиной ведунью. Когда та успела встать из-за стола и подкрасться сзади?

Женщина улыбалась, держа над Ириной головой тонкие, выполненные из зеленого полупрозрачного камня подсвечники.

На столе в небольшой прозрачной чаше с водой лежал темный от пригара металлический предмет, напоминающий скрученную проволоку.

– Смотрите сюда внимательно, дорогая. Смотрите, что случилось за то время, пока вы мечтали.

Ведьма поставила подсвечники из змеевика на стол. Свечи, будто маленькие красные змейки, обвили друг друга и горели уже одним фитилем. Невероятное зрелище.

– Как эти свечи притянулись друг к другу, так и вы с Денисом будете неразлучны, никто не посмеет нарушить ваш покой, никто не заставит его посмотреть на других женщин, отныне и до скончания века он будет принадлежать только вам.

– Так и никто? – неуверенным, тихим голосом произнесла побледневшая клиентка.

Ведьма взяла принесенную утром фотографию с изображением Маши и Дениса и порвала ее, как бы отделяя их друг от друга. Кусочек со смеющейся женщиной она отложила в сторону, а оставшийся край фотографии с изображением мужчины закапала стекающим с обеих свечей красным, как запекшаяся кровь, воском.

– «НИКТО» – мой ответ.

Ведунья осторожно сложила кусочки разорванной фотографии вместе. Словно кровавый шрам, воск разделил влюбленных.

Выдержав необходимую многозначительную паузу, ведьма продолжила:

– Но, дорогая Ирина Владимировна. Как ни печально, везде и всегда существует волшебное слово – «НО». Как предупреждение, как предостережение, как совет. Простой, как все самое важное на этом свете. Моя магия имеет пролонгированный эффект при соблюдении одного условия: *не дать им встретиться*.

– Но... Это как? А если он захочет? Как я смогу предотвратить?

– Он не захочет. Не волнуйтесь, ОН НЕ ЗАХОЧЕТ. Все просто, королева. Его внутренний и внешний мир подчинен с этой минуты вашей воле, все помыслы и желания принадлежат лишь одной женщине, отныне вы для него – смысл существования, его солнце, вода или воздух, его жизнь, можно даже сказать, Господь Бог.

Она же отныне – ваша полная противоположность, антипод. Неловкое воспоминание о ней вызовет у него отвращение, схожее с... Как бы сказать? С прикосновением к жабе, червю или другим мерзким существам. Память о поцелуях подменится гадливым чувством пережевывания вареного

лука. Доступно поясню?

Ирина слушала хозяйку и не могла произнести ни слова.

– Но, как вы догадываетесь, многоуважаемая, сказка ложь, да в ней намек. Не бывает абсолютного волшебства. Его, по сути, вообще нет, все объясняется физикой взаимодействия невидимых нашему глазу энергий. Ваша покорная слуга совершила элементарную манипуляцию – перераспределила энергетические потоки, связывающие вашего легкомысленного кобеля и наивную подругу, разорвала их и переключила на вас.

Поэтому, выражаясь языком программиста, мозг вашего благоверного прошел перезагрузку, так сказать, обнуление памяти. Его восприятие в данный момент кристально-чистое, он смотрит на мир восторженными глазами новорожденного. И единственный знакомый человек в его сегодняшнем «Я» – это сотканный заново обольстительный и желанный образ жены. И теперь только от вас зависит, кем стать для него – любящей преданной супругой, страстной любовницей, верным другом, или вновь оттолкнуть своим равнодушием и высокомерием, отдать в руки следующей Маши, Тани, Светы, да какая разница...

Я дарю шанс начать счастливую совместную жизнь. Не надо думать, что все изменится по мановению волшебной палочки. Надо поработать и помочь себе любимой, поразмыслить над тем, что именно увело к другой, что привлекло в ней, чего нет у вас. Думайте, Ирина, вы далеко не глупая жен-

щина, недаром уже многого достигли в своей жизни. Вы под-
нялись достаточно высоко, упустив самое важное – любовь.

Изменив себя, получите желаемое – Денис будет счастлив
и больше никогда не взглянет на другую.

Запомните сейчас мои слова, запомните, и не жалуйтесь
впредь, если нарушите их, ибо предупреждены.

Откройте душу, полюбите его, примите таким, какой он
есть. Главное волшебство, куда более сильное, чем совершила
я, в вашей власти – простить его. Начать с чистого листа,
написать собственную историю любви. В противном случае
вновь его потеряете, уже безвозвратно. Сработает закон про-
тиводействия. Ситуация ухудшится во много раз. Итог будет
плачевным. Возможно даже, трагическим.

Ирина терпеливо слушала ведунью, приходя к мысли, что
подобные беседы уместно вести психологу, а не ясновидя-
щей, но последние слова сильно взволновали ее.

– Что значит трагический? Для кого?

Хозяйка спрятала улыбку.

– Не для вас, Королева. Ваша расплата подождет поло-
женного срока, уж будьте спокойны... Меньшее, что может
случиться с Денисом, если не поддержите его своей нежно-
стью, вниманием и заботой, – банальный алкоголизм, кото-
рый разовьется мгновенно. Альтернативный финал – нарко-
мания. Не найдя удовлетворения рядом, он будет искать его
в чем-то еще. Отныне он вечный заложник внешнего тепла,
счастья, от которого я его десять минут назад отключила по

вашей воле. Как реципиент, он замкнут на вас и не способен замечать других людей. Но в поисках жизненной силы, если таковую ему не предоставит жена, он пойдет по ложному пути.

– О господи, – облегченно вздохнула Ирина, – всего-то...

Несколько мгновений хозяйка таинственной квартиры смотрела на женщину, думая о своем, потом сказала:

– Вся моя сила ничего не стоит против истинной любви, берегите своего супруга от встречи с бывшей любовницей. Никому неизвестно, как сложится их дальнейшая история. Нет у меня волшебного заклинания от случайной встречи и от реакции на нее вашей соперницы. Незапланированный спонтанный сценарий мне неподвластен. Поэтому постарайтесь никогда не выпускать ситуацию из-под контроля.

– Так что, на поводке его водить? Может, есть более действенное средство? Вот, захватила в последний момент... в интернете прочла. – Покраснев, Ирина достала из сумки смятую салфетку.

Реакция удивила ее. Лицо ведуньи исказила болезненная судорога.

– Там то, что я думаю?

– Да... я... после того как... случайно... – испуганно бормотала Ирина. И осеклась на полуслове.

– Ничего не бывает случайно. Я ошиблась в искренности ваших намерений, боюсь, мои попытки вложить вам в голову какие-то мысли бесполезны.

– Но позвольте...

– Не перебивайте меня! – в голосе хозяйки зазвучали металлические нотки. – Помилуйте человека, что живет рядом, эгоистичная женщина. Сейчас мы поймали в ловушку его мысли и желания, и то при выполнении определенных условий, однако ваши аппетиты мгновенно выросли. Одумайтесь! У каждого разумного существа должен оставаться выбор. Сеанс закончен. Идите за мной. Последнее напутствие – верьте в успех содеянного. Яд сомнений разрушает чары.

Ирина, отдавшись воспоминаниям, не заметила, как свернула с шоссе к своему дому. Время в дороге пронеслось незаметно.

Припарковав машину, вошла в подъезд, уже чувствуя охватившую ее необычную усталость, подавленность. Еле передвигая ставшие ватными ноги, шагнула в лифт, нажала кнопку нужного этажа.

Наверх поднималась медленно. Силы неумолимо покидали ее. Хаотично мелькающие мушки заполнили пространство перед глазами, в ушах зашелестел прибор. Как распахнулись двери лифта, она уже не видела, ее безжизненное тело упало на руки вовремя подоспевшего Дениса, предупрежденного охранником. Наступила долгая ночь.

Скользящие души. Заслуженная кара.

Ночь... Вечная ночь, перемежающаяся туманными сумерками, и вновь крошечная тьма... Солнца больше нет. Оно не восходит. Привычный круговорот нарушен.

Ночь – злополучная подруга, меланхоличная спутница узницы, приговоренной к пожизненной каре за предательство.

Невольные попытки найти связи с реальностью, звонки оставшимся друзьям заканчиваются бесчувственными словами – абонент не абонент – или извинениями: «Сильно заняты, перезвоню»...

Но не перезванивает. Никто. Она обречена на одиночество.

Бокал вина – не один, их несколько, потом душа испытывает непродолжительный отдых от изнуряющей боли. А тело уже требует яда. Бездушное, оно выходит на балкон и видит человеческий муравейник. Откуда они взялись в три пополудни, зачем слоняются под ее окнами, гуляют с детьми, смеются? Почему им хорошо?

Когда ей – плохо.

Как хочется, чтобы они все исчезли, испарились из мира ее скорби. Как привычно быть униженной, брошенной, нелюбимой.

Почему все остальные должны быть счастливее?

Палачи поневоле, счастливые люди становятся дополнительной пыткой.

Мало... Ей пока мало.

Надо забыться... Ее мозг не способен отключаться. Он

вечно контролирует процесс, серый извращенец.

Ему неведомо желание покоя.

Он ее главный палач, вездесущий судья, ее неспящая совесть. Он ее покаянный крест.

Она хочет все забыть, хотя бы на время. Забыть его кожу, горящую под пальцами, его запах, изгиб спины и рисунок двух переплетенных змей на плечах, которые оживали, когда Денис двигался. Они вновь и вновь обнимали друг друга и умирали в последнем смертельном поцелуе.

Почему они не поделились с ней своим ядом?

Оставили погибать в пустыне безмолвия, одиночества, осознания убожества?

Что может быть нелепее разговора с фотографией, обычной ламинированной бумагой, всего-то запечатлевшей счастливый миг?

Бесполезный монолог. Ответа уже не будет. «Меня здесь НЕ БЫЛО НИКОГДА».

Фотография бездушна, безмолвна, она – холодное наказание, которое продлится вечно.

Она – еще один палач. Ничего не стоит порвать и сжечь бумажку, но разве можно сжечь любовь или разорвать на клочки прошлую жизнь?

Что такое любовь?

Возможно, для кого-то она и благо; воспетое в стихах и сонетах волшебство; божественный, бессмертный напиток вечности. Для нее же это кара, это каждодневная мука, при-

говор, барьер, через который надо перейти, чтобы выжить. Это наркотик, это нескончаемая боль, немой крик. Это краденые слезы счастья и вечная боль в груди, которую не могут остановить ни уговоры подруг (долго ли они намерены тратить силы на нее?) ни терпкие бокалы вина (сколько их еще до точки невозврата?) – ничего, кроме НЕГО.

Может, это не любовь вовсе?

Но он исчез, растворился в реальности... Нет, точнее перешагнув в параллельность, затерялся в призрачных сонных мирах, его как будто никогда и не было. Как только поверишь в это, в виде бонуса получишь пароль на второй уровень сложности, где, возможно, придет осознание, что без него можно жить.

Но Маше до обретения волшебного пароля далеко. Она находится во власти сладкой иллюзии его возвращения, его внезапного звонка. Она его ждет, но уже больна. Смертельно больна несбывшейся надеждой, разговорами с пустотой, бесконечными переживаниями.

Она практически сошла с ума, потому что во сне любима, во сне желанна, но стоит пробудиться, как приговор, ежедневный приговор вновь приводится в исполнение, напоминая ей, что Денис ушел навсегда.

Он жив, но не живет для нее, он вне времени, вне пространства, счастливо отделался, заметил дорожный знак – «GAME OVER» – чуть раньше и свернул перед тем, как рухнуть в пропасть. Просто он никогда ее не любил.

Боже милостивый! Возможно ли успокоение?

Конечно, да!

Дитя мое, вот оно, искрится в переливах кровавого испанского вина, где сладость жаркого южного солнца счастливо влюбилась в безумие страстного фламенко, где сердечный такт аллегриаса вторит ритмичной партитуре твоего собственного раненого сердца. Аве Мария! «Amantes – amantes evviva!» – «Влюбленные – безумные да здравствуют!»

Но желанный покой подобен ускользающему миражу. Чем меньше драгоценной влаги на дне бокала, тем дальше сказочное эльдорадо. Фата Моргана смеется над несчастной, никому не нужной, сломанной куклой. Обманывает ее, обещая избавление, но даруя лишь разочарование и непреходящее чувство вины.

Маша прячет бутылку, скрывает следы преступления от глаз дочери, когда та возвращается из школы. Бедная девочка все чаще думает, что она и есть причина маминых слез, и ищет промахи в своем поведении.

Но Маша, как обычно, ни о чем не спросит расстроенную дочь, ничего не скажет ей, оставив в недоумении. Покормив ребенка, удалится в свою спальню и, плотно прикрыв дверь, вновь окунется в пучину культивируемой боли, ставшей нар-

котиком, бессменным партнером в игре под названием «Сделай мне больно, ударь посильнее».

– Птичка! Ты начинаешь нам надоедать! Не пора ли сменить декорации?

Скользящие души. Королевам море по колено!

Странное недомогание лишило сил. В течение нескольких дней Ирина не могла вернуться к исполнению служебных обязанностей. Все попытки подняться с кровати и заняться собой заканчивались неудачей. После пяти минут вертикального положения начинало давить виски, учащалось сердцебиение, по телу пробегала омерзительная горячая волна, вызывающая прилив крови к лицу и липкий холодный пот.

Если в этот момент она не успевала облокотиться на кровать или стул, ноги подкашивались и приходилось опускаться на пол, дышать глубоко и равномерно в надежде, что скоро отпустит.

Если бы только физиологическое недомогание вызывало страдание, отнюдь, вместе с изнуряющими приливами на нее обрушивался животный страх, природа которого была неизвестна.

Мрачные предчувствия отравляли кровь, раскаяние в содеянном не давало жить спокойно. Гордячку застало врас-

плох неожиданное, дотоле редко навещавшее чувство вины.

Но время шло. Постепенно приступы слабости и панического страха стали реже и короче. Через месяц силы окончательно вернулись к госпоже Кушнир, а чувство грядущего неизбежного наказания оставило ее в покое. Ирина обрела прежнее лицо, красивое и холодное. Величие Снежной Королевы, мальчик которой, немного пошалив, вернулся в сверкающий ледяной чертог, чтобы сложить из мозаики слово «Вечность».

Время – великий волшебник. Скоро от раскаяния ничего не осталось.

Все вернулось на круги своя. Поцелуи Дениса, изысканный ужин на столе, потрясающий секс (слишком хороший, такой был лишь в первые годы их совместной жизни), сон, легкий завтрак, поездка в ненавистный офисный виварий, возвращение домой.

Круг замкнулся, дни замелькали калейдоскопом, стирая воспоминания о дне, подарившем ей второй шанс.

Но не прошло и нескольких месяцев безмятежной жизни, как все наставления ведьмы были забыты, и Ирина устроила первую показательную порку.

Тот майский день вообще был особенным, с самого утра не задался. Раздражение нарастало начиная с офиса. Людмила, секретарша, позволила себе обронить презрительно-насмешливый взгляд на поехавший чулок начальницы. Толь-

ко чудо спасло идиотку от неминуемого увольнения. Звонок генерального остудил разгорающийся в душе Ирины пожар.

Выйдя из кабинета с новым назначением в кармане, госпожа Кушнир решила не опускаться сейчас до экзекуции, но дала себе обещание избавиться от блондинки.

Итак, впереди ждали перемены. И ого-го какие! Босс назначил ее куратором филиала в Гессене, что означает подъем дохода на тридцать процентов, личного шофера и возможность покупки недвижимости за счет беспроцентного кредита. А с глупой зарвавшейся девицей, виноватой уже в том, что ее тело молодо и доступно для персонала в брюках, она покончит позже, оставит на десерт.

По дороге домой зависть к юности бесследно испарилась, ее место заняли самолюбование и осознание собственной значимости.

Переступив порог и подставив губы для положенного поцелуя, Ирина отметила про себя: «Как же это круто, быть для человека всем – воздухом, водой, солнцем. И это все – Я».

Почему началась профилактика? Что ее вызвало?

Его угодливый вопрос, не голодна ли она, его смущенная улыбка или ускользающий взгляд?

«Почему Диня не смотрит в глаза, что у него на уме? Он снова навеселе, приложился к бутылке. Интересно, он поднимается к Светке или напивается в одиночку? Наверняка один, к соседке ему запрещено ходить».

– Мне глаза твои не нравятся. Где нашкодил? – тихо произнесла она, устраиваясь в шезлонге. Спокойный тон не предвещал ничего хорошего.

Яркая вспышка сигареты послужила молчаливым ответом.

«Уже интересно, – мрачная мысль оставила на лбу Ирины еле заметную морщинку. – Молчать ему никто не разрешал».

Она заставила себя остановиться лишь увидев его слезы.

Последнее время ей доставляло удовольствие наблюдать процесс их появления. Отчитывая подчиненного, она четко следила за гранью, переступить которую считалось фолом, ошибкой. Она следила за моментом скапливания влаги в уголках глаз.

Сначала ее подопытные прятали взгляд, смотрели вниз, в сторону – куда угодно, усиленно моргали, стараясь сдерживать обиду и унижение. Потом, уже не имея возможности скрывать раздражение и злость, они позволяли предательским каплям скатиться по щекам.

В этот момент Ирина обычно чувствовала щекочущее возбуждение под ложечкой, млела.

Слеза, мелькнувшая в глазу у Дениса, заставила ее приостановить профилактику. Она затянулась сигаретой и замолчала. На смену бесу в душу постучал ангел. Заблудившийся в лабиринте пороков, он задал единственный вопрос, заставивший проповедь стать бессмысленной:

«Ради чего надо было ездить в Текстильщики?»

И действительно, зачем, когда все вновь вернулось на круги своя? Ничего не изменилось в ее душе, она не смогла простить мужа. За что его прощать? Он не признал своей вины. Не попался в ловко расставленные ловушки, не поддался на уловки, не сознался в связи с представительницей семейства мышей. Он упрямо твердил, что завис тогда с Джоном, а верный друг, конечно, подтвердил его алиби, чай, не первый день в окопах. Кто бы сомневался? Мужская порука крепче бабской ревности. Черт его дери, этого расписанного татуировками десантника, который сам никогда не пропускал ни одной юбки, но свято хранил тайну друга. Тем не менее, не пойман – не вор.

«Вот почему я получаю истинное наслаждение, видя, как ты зависишь от меня, от того мира, что я купила тебе, ничемному инженеру, не создавшему ни одного проекта, вот поэтому ты сидишь сейчас напротив и молча сдерживаешь слезы, которые вот-вот покатятся по щекам. Ну что же, последнего выбора я тебя не лишу – плакать или просто послать меня подальше. Как я хочу услышать от тебя слово *«Заткнись!»*! Но ты никогда мне этого не говорил и вряд ли скажешь. Потому что ты никто, и звать тебя никак. Ноль без палочки... *Жона*».

– Все, пошли спать, малыш, я очень устала, – Ирина решительно затушила сигарету, встала с кресла и потрепала Де-

ниса по щеке.

На одну лишь секунду ей показалось, что в глазах мужа промелькнуло отвращение.

Какая разница?

Ситуация стандартна, предсказуема, сценарий она придумала несколько лет назад, и он никогда не нарушался. Был обоюдно одобрен.

Диня подуется пару минут, покурит на балконе, незаметно махнет стопочку, а потом восстановит статус-кво способом, который нравится ей больше всего. Приятно жить с мазохистом, унижительная прелюдия выработала в нем уйму тестостерона. В кровати она брала на себя роль жертвы, служанки, рабыни, исполняя его ненасытные фантазии. Позволяла ему самоутвердиться, не лишая удовольствия себя.

«Что он чувствует, когда трахает Королеву? Эйфорию? Блаженство? Значимость?»

Скользящие души. Конец присказки.

– Лена, на самом деле *там* нет ада. Ад здесь, на земле. В слезах обиженного ребенка. А девятый круг моего личного ада – это...

Маша замолчала. Комок боли встал в горле, не давая вздохнуть.

Лена под села к Маше и обняла ее за плечи. Жест дружеского участия вызвал бурную реакцию. Маша отпрянула в

сторону будто прокаженная, закрыла лицо руками и горько зарыдала.

Подруга терпеливо ждала. Она чувствовала, что бедняжке надо выговориться. Она погружается в омут, откуда выбираются единицы. Затяжная депрессия принесла плоды. Маша долгое время не работала, прикрываясь больничными, отшельничала дома, не прекращая алкогольную терапию. Полностью огородилась от мира, зверьком притаилась в норе в компании дешевого вина и нелепых мечтаний. Почти сдалась, потеряла желание жить. Только дочь удерживала ее на поверхности.

Маша прерывисто вздохнула, вытерла слезы. Голос задрожал, но она старалась четко проговаривать слова:

– Я уже месяц не пью. Не могу. Не потому, что здоровье не позволяет. Плевала я на здоровье, – на секунду Маша замолчала, а потом с невероятным усилием проговорила: – Я изуродовала свою дочь!

Лена вздрогнула от прозвучавшего признания. Она ожидала чего угодно, кроме этого.

– Изуродовала ее лицо. Что-то на меня нашло, словно бес вселился. Настя начала спорить, а я ударила ее. Ударила ремнем с металлической пряжкой. Рассекла губу. Везде кровь была. Поехали в Филатовскую, зашить... Лена, у нее теперь шрам! Шрам, оставленный матерью-извергом! Знаешь, что такое ад? – слезы безудержными ручьями катились по щекам Маши. – Это видеть нанесенную ребенку рану. У меня до

скончания времен будет стоять эта картина перед глазами. Рана, кровь и глаза дочери. Мне нет прощения... Лена, как мне жить?

«Не знаю», – хотелось ответить Елене, но она промолчала. Придвинулась и снова насильно обняла Машу, прижала к себе и ждала, пока та выплачется.

Маша выполнила обещание: лечение изодранного сердца алкоголем завершилось, не нанеся дальнейшего ущерба. Психотерапевт Фогель вышла на работу в частную клинику, расположившуюся в Дмитровском районе Подмосковья в старинном особняке, принадлежавшем семье Ганиных. Бедняга нашла в себе силы начать новую жизнь, приняв предложение от однокурсника, Владимира Смирнова.

Все случилось как нельзя вовремя.

На том конец присказке, а Сказка только начинается

– Неужели, а то мы замшели со скуки!

– Пора возвращаться к чудесам!

Скользящие души. Начало чудес.

Сегодняшний день у Ирины Лазаревой, известной нам ведьмы с Текстильщиков, не задался с самого утра. Не пото-

му, что наступило 11 сентября и весь мир, протерев спростонья глаза, вспомнил о теракте. Для Ирины катастрофа в далекой стране не имела значения. Это лишь нелепое совпадение с более значимым для нее событием – с днем рождения самой Ирины и ее сестры-двойняшки, Виктории.

Возвышенная шоколадно-мармеладная энергетика дня отныне подпорчена слезами и проклятиями. Но не этот факт расстраивал Ирину, барабанящую коготками-стилетами по рулю «Паджеро», ее взволновал телефонный разговор с лечащим врачом Виктории, Владимиром Смирновым, заведующим закрытой психиатрической клиникой, где уже более полугода лечилась сестра.

Наступившая рецессия, обнадеживающая стадия восстановления, вчера сменилась агрессией. Состояние больной резко ухудшилось, стало нестабильным и требующим перевода ее в отделение интенсивной медикаментозной терапии.

Доктор затруднился выяснить причину изменений в самочувствии пациентки и попросил ее сестру приехать как можно скорее. Безусловно, она приедет. Они в любом случае должны быть сегодня вместе и хотя бы номинально отпраздновать день рождения.

Ирина не понимала, что могло повлиять на состояние Виктории, та давно находилась в обычной реабилитационной палате, не нуждалась в постоянном контроле со стороны персонала, с удовольствием общалась с мужем и сыном, что говорило о частичной адаптации к прежней жизни. И вдруг

– неприятные новости.

Не успела Ира выслушать просьбу врача, как позвонил их крестный, Борис Михайлович, и поинтересовался здоровьем Вики.

– Постарайся узнать, были ли у нее неизвестные посетители, спроси у сиделки, говорила ли она с кем-то по телефону. Без внешнего вмешательства не обошлось. Сколько времени потрачено зря, нам надо определить лазутчика, выяснить его намерения. Возможно, я предвосхищаю события и ищу врага там, где его нет. Срочно доложи!

– Так точно, товарищ командир, – отсалиutowала в трубку Ирина и тяжело вздохнула.

Неужели этому не будет конца? Неужели Вика не станет прежней? Ее отражением, Альтер-эго, воплощением той, кем мечтала стать сама Ирина, – счастливой мамой и любимой женой. Что вряд ли суждено – издержки профессии.

Дорога до Дмитрова занимала не более полутора часов, но звезды, видимо, сошлись в позиции Рака. Свернув с кольцевой, Ира сразу попала в пробку, вызванную закрытием полосы – латали выщерблины. Безусловно, именно эту часть дороги и только сегодня должны были перекрыть, чтобы скорость движения сократилась практически до нуля.

Выдержав от силы несколько минут толкотни в пробке, Ирина резко вывернула руль вправо, заехала на обочину и, не обращая внимания на гневные сигналы обгоняемых законопослушных водителей, вдавила педаль в пол.

«Один раз можно, только сегодня поступлю так, как считаю нужным. Сегодня мой – наш – день».

Сосредоточив внимание на основной цели, Ирина благополучно миновала дорожное затруднение и выехала на свободную трассу.

До поворота на Рождественское оставалось не более километра, дорога впереди была свободна, и женщина расслабилась, позволив себе вернуться к грустным размышлениям.

Если исходить из пессимистичного варианта, Вика останется в клинике еще на полгода. Оплата не заботила Ирину, все расходы по лечению взял на себя ее муж Александр.

Личная жизнь сестры была, в сущности, не столь важна, гораздо важнее было ее мировосприятие. Если мировосприятие подразумевало наличие мужа, хорошо. Если Вика решится на развод, Ира будет двумя руками «за».

В силу своих знаний она могла видеть людей насквозь. Истинная сущность ловеласа и карьериста, мужа сестры, лежала как на ладони.

Порой Ирина проклинала свой дар, ей хотелось лишиться способности читать людей, разглядывать их тщательно скрываемые пороки. Хотелось, как в детстве, поверить в чудо, в настоящую любовь, искреннюю, бескорыстную, жертвенную, а главное, вечную. Но такого счастья ей доселе не выпадало и, в свете выбранного пути, вряд ли было уготовано в дальнейшем.

Так что же могло случиться с Викой?

Ответ на вопрос так и не пришел. Сработал автопилот, правая нога резко вжала тормоз в пол.

Визг шин оглушил. Ира изо всех сил держала рвущийся из рук руль. Машину несло в кювет.

Остановиться удалось в нескольких сантиметрах от оврага. Сердце билось как сумасшедшее и рвалось из груди. Кровь пульсировала в висках, голову опоясал обруч невыносимой боли. Склонившись на руль, тяжело дыша, Ирина вспомнила, что она отчетливо услышала глухой удар по капоту.

– Господи, черт! – крайности смешались в невольном крике, когда она взглянула в зеркало заднего вида.

На дороге, поджав колени, лежала женщина.

Не ощущая собственного тела, Ирина вывалилась из машины и на деревянных, негнущихся ногах пошла к пострадавшей, моля Бога о спасении.

Тот, видимо, услышал ее безумную молитву: несчастная подняла голову из пыли обочины и попыталась встать.

Ирина остановилась в нерешительности, замешкалась. Она смотрела на маленькую щуплую фигурку, весь брючный костюм которой покрывала дорожная пыль. Лицо и руки несчастной были в крови. Она поднялась и тут же с криком присела на землю, схватившись за ногу. В этот момент с глаз Ирины словно пелена слетела, она стремглав подскочила к пострадавшей, подставила свое плечо, помогла подняться.

– Что болит, говорите, что сломано? – голос дрожал, но мысли уже прояснились. Ирина судорожно рассчитывала время, которое понадобится, чтобы доставить девушку в ближайшую больницу, а потом продолжить путь к сестре.

Незнакомку била дрожь, она медленно отходила от шока, ее слов Ира не разбирала.

Спустя некоторое время удалось услышать ответ и понять, что обеим сказочно повезло. Удар получился скользящим и пришелся по правому боку. Основную опасность представил росший на обочине куст, в который влетела жертва. Вот откуда многочисленные царапины на лице и руках.

«Ты в рубашке родилась, – подумала про себя Ирина, помогая раненой забраться в машину. – Обойдешься зеленой».

Когда миновал шок, дыхание и сердцебиение восстановились, пострадавшая подняла на Ирину испуганные глаза и произнесла:

– Извините, это я виновата, решила сократить путь, пошла напрямик через лес. Сегодня погода хорошая, да и до моей смены еще довольно времени, вот и решилась... Машину не заметила, так что вашей вины нет, не переживайте...

Ирина слушала невнятные извинения, толком не понимая, встретила она хитрую бестию, исподволь планирующую шантажировать ее и раскручивать на лечение, или душевнобольную самаритянку, обвиняющую себя в чужих грехах.

– Как вас зовут?

– Маша, Мария Фогель.

В висках щелкнуло, в глазах на миг потемнело. Так бывает, когда в жизнь вмешивается провидение. Оно уже наступало однажды неосторожную ворожею, но косвенно, без последствий. Сейчас же она почувствовала парализующий укол прямо в сердце.

«Зачем я связалась с самовлюбленной красоткой? Зачем польстилась на ее деньги?»

Безусловно, это была та счастливая молодая женщина с фотографии, стоявшая в объятиях чужого мужа. Те же наивные глаза, та же светлая челка, заправленная поцарапанной рукой за ушко, то же незащитное выражение лица.

«Серая Мышь – так она тебя называла?»

Бедная Маша, это мне надо перед тобой на коленях ползать за то, что сделала. Мое вмешательство не извело тебя, лишь отвлекло от неправильного пути. Не дремлет ангел-хранитель, не отходит. Доказательство тому – я не убила тебя, лишь поранила. Скользящий удар... Скользящая душа...»

Эти мысли молниеносно пролетели в голове Ирины, пока она с искренним удивлением разглядывала смутившуюся Машу.

– Почему вы так смотрите на меня?

– Простите, я задумалась. Так что будем делать? В больницу вам надо, коленку, ребра проверить, ссадины обработать.

– Я тут работаю недалеко, в клинике Смирнова, следующий поворот, а там полкилометра по лесу до поместья. Пожалуйста, доведите меня туда. Там первую помощь окажут, а если понадобится, и рентген сделают.

Не получив ответа, Маша вопросительно взглянула на бледную, онемевшую от изумления Ирину.

Судьба не уставала выкладывать на кон новые козыри. Бескомпромиссные. Небитые.

Справившись с волнением, Ира произнесла голосом, который сама не узнала, глухим и потерянным:

– Нам по пути.

«Ангелы-хранители существуют, и мой на сегодня не взял отгул. Хорошо бы узнать его или ее имя. Интересно, бывает ли у них разделение по половому признаку?

Только бестолочи могут среди бела дня прыгнуть под машину, и лишь хранимые отделяются парой царапин да небольшой раной под коленом, которую залечат две стяжки».

– Мария Сергеевна, вас вызывает доктор Смирнов, – голос Любочки, больничного администратора, раздавшийся из монитора, заставил вздрогнуть и прервать воспоминания о дорожном происшествии. – Поднимитесь, пожалуйста, в его кабинет.

Полагая, что от нее потребуются обычный отчет, Мария

захватила несколько карт и, прихрамывая, двинулась на административный этаж. В особняке не было лифта, и ей предстояло преодолеть два лестничных пролета.

Преодолея сильную боль в колене, подошла к массивной, обитой бежевой кожей двери и, постучавшись, толкнула ее.

Владимир Смирнов, ее бывший однокурсник, фарцовщик в душе и продвигенец в жизни, ее тайный поклонник и безнадёжный воздыхатель на протяжении обучения в Первом меде (только магниты притягиваются друг к другу разными полюсами, с людьми все сложнее), поднял на вошедшую внимательный взгляд и тут же опустил, занявшись бумагами, раскиданными ворохом на столе. В кабинете директора все дышало помпезностью, начиная от дорогой мебели из красного дерева, изготовленной по индивидуальному проекту, заканчивая литографиями Верейского¹¹ на стенах – предмета особой гордости хозяина. Вовку-Купи-Продай с юности отличало коммерческое чутье, утянувшее студента-медика на хозяйственную стезю. Жизнь рассудила правильно: господин Смирнов возглавил одну из самых известных наркологических клиник и успешно руководил ею уже в течение пяти лет.

В кабинете вместе с директором находился его зам, Иппо-

¹¹ Советский график, иллюстратор, педагог. Лауреат Государственной премии СССР, Народный художник СССР.

литов Сергей Михайлович, врач, перед которым Маша благоговела. Это был мастер, светило науки, доктор с мировым именем, написавший немало трудов, которыми восхищалась не только она, но и целое поколение грызунов гранита психиатрии.

Володя Смирнов считал собственным неоспоримым достижением, что уговорил знаменитого врача работать в клинике, пусть не на основной ставке, а в роли консультанта.

Увидев Сергея Михайловича, Маша смутилась, покраснела и хотела сказать, что зайдет позже, но великий гуру приветственно кивнул ей и жестом пригласил сесть напротив него.

Маша доковыляла до стула и, скривившись от боли, присела.

– Ну и видок! Братец Лис, не бросай меня в розовый куст! – неумело сострил Смирнов и расхохотался собственной шутке. Но тут же, осознав ее неуместность, поправился, спросив участливо: – Ты действительно не хочешь взять больничный? Неделя дома тебе бы не помешала.

Маша отрицательно махнула головой. Пустяки, мол. Пара царапин.

– Ну, тогда приступим сразу к делу, дорогие коллеги. Маша, – он вновь обратился к женщине, – пришло время заняться серьезной работой, а не бегать ко мне с еженедельными отчетами и выписками для больных.

Фогель не сводила с него глаз, пытаясь спрогнозировать будущее.

– Мария Сергеевна, будьте любезны взять на контроль особого пациента, скажу больше – самого важного пациента клиники Смирнова.

Торжественное вступление главврача вызвало оторопь. Маша невольно перебирала способы отказаться от поручаемого задания, но, кроме необдуманно отвергнутого несколькими минутами ранее больничного, ничего более в голову не пришло.

Владимир прочел ее невеселые мысли и рассмеялся:

– Да ладно тебе, Машка, это я так, для камуфляжа тебя строю, на самом деле случай не ахти какой выдающийся и с первого взгляда хрестоматийный. Прогрессирующий депрессивный психоз, усугубленный алкоголизмом, с перемежающимися стадиями устойчивой ремиссии. Вот только термин «устойчивый» с позавчерашнего утра неактуален. Пациентка уверенно шла на поправку, уже около месяца находилась в палате под обычным наблюдением и благополучно готовилась к выписке, как вдруг стабильный статус перешел в кататонический¹². Буквально за один день вернулось состояние полугодичной давности: больная замкнулась, потеряла контроль над действительностью, к ней вернулись галлюци-

¹² **Кататонический синдром** – психопатологический синдром, основным клиническим проявлением которого являются двигательные расстройства. В структуре кататонического синдрома выделяют кататоническое возбуждение и кататонический ступор.

нации. Мало того, отказалась от успокоительного и снотворного, которое получала ежедневно. Предпочитает бодрствовать. По нашим наблюдениям, она не спала уже две ночи подряд. Я бы мог сравнить все перечисленные признаки наличием «делириум тренум»¹³, но в ее крови нет ни следов алкоголя, ни галлюциногенного вещества. Весь мир невидимых существ, с которыми больная продолжает общаться, является продуктом ее трезвого сознания.

Компьютерная томография также не выявила признаков патологии, нет никаких существенных отклонений на биохимическом уровне. Замечена лишь повышенная активность реакций нейронов левого полушария, ответственного за проекцию видений и образов.

Маша подняла вопросительный взгляд на Сергея Михайловича, как бы спрашивая его совета.

Пожилой доктор неловко закашлялся и пожал плечами.
– Должен сознаться, дорогая Мария Сергеевна, эта больная поставила меня в тупик. Безусловно, в моей практике встречались нестандартные течения заболеваний, но мы методом экспериментов находили оптимальное решение и подбирали препараты. В данном случае я вынужден признать поражение.

Нет, я не ни в коем разе не оспариваю установленный в самом начале диагноз. Только сознаюсь, что выбранный курс, медикаментозная и гипнотерапия оказались неэффективны-

¹³ Белая горячка.

ми. Более того, они ухудшили анамнез. И сейчас мы наблюдаем последствия...

Мне, как медику, это безусловный упрек, но в данный момент у нас нет возможности по-новому диагностировать ее состояние и назначить другое лечение. Больная перестала выходить на контакт с прежним лечащим врачом, включая меня. Она закрылась от всех в сотворенном мире и позволила войти туда только родной сестре.

Сергея Михайловича вежливо прервал Владимир:

– Маша, ты должна быть полностью в курсе. Виктория Лазарева, больная, о которой идет речь, является vip-пациентом клиники. Надеюсь, тебе не надо пояснять, что означает этот статус? Ее муж, Александр Рытвин, – один из наших главных инвесторов. Он спонсирует не только лечение супруги, но и пребывание здесь других больных; он платит мне, Сергею Михайловичу и тебе зарплату.

Короче говоря, Александр Рытвин – один из хозяев нашей закрытой от всего остального мира элитной богадельни. И...

Маша не выдержала скопившегося в воздухе напряжения и рискнула перебить главврача:

– Я поняла, Владимир Степанович, всю важность задания. Но что конкретно я должна делать?

– Ирина Лазарева, родная сестра пациентки, дала согласие на назначение тебя новым лечащим врачом, точнее сказать, я рекомендовал ей согласиться с этим фактом, полагаясь на твой многолетний опыт работы, нестандартные взгляды на

выбор лечения, владение новой школой в области психиатрии, коммуникабельность и человеколюбие, наконец.

Что скрывать, твое назначение было моей личной протекцией. Оправдай доверие, уважаемая Мария Сергеевна. Сергей Михайлович останется консультантом. Но «допуск к телу» открыт только тебе. Попытайся найти с ней контакт, тихо, спокойно, не торопясь, выведай, кто поселился в ее тайном мире и вызвал неожиданный срыв. Выяснив причину, мы придумаем новый способ лечения.

Пока Маша шла к двери отдельной палаты в правом крыле старинного здания, напротив лаборатории, она успела пробежаться глазами по личной карточке больной.

«Виктория Владимировна Лазарева, год рождения 1979, 11 сентября.

У нее сегодня день рождения. Интересно, она помнит об этом? Была госпитализирована 13 марта 2010 года в состоянии кататонического криза. Назначенное лечение...

Анамнез: Прогрессирующий психоз на фоне алкогольной интоксикации».

Грустная картина, постоянно встречающаяся среди сильных мира сего, свихнувшихся от переизбытка денег, эмоций, фантазий, а чаще из-за недостатка простого человеческого общения.

Ну, вот и готов твой предварительный диагноз. Хотя практика показывает, что ты часто ошибаешься в людях, доктор

Фогель».

Тихо постучав в дверь, Маша вздохнула глубже и вошла.

Не догадываясь, что только что переступила порог в другую жизнь.

Палата для особого пациента значительно отличалась от остальных. Так мог выглядеть одноместный номер в хорошей четырехзвездочной гостинице.

Просторное помещение наполнял солнечный свет из широкого трехстворчатого окна, занимающего почти полстены. У окна располагался мягкий уголок с журнальным столиком и стеллаж с книгами. Сбоку на противоположной стене – жидкокристаллическая плазма. Почти космическая кровать оборудована по последнему слову медицинской техники: светящимися кнопками для вызова персонала, джойстиками для изменения положения.

В больничную реальность возвращали разве что закрепленный сбоку штатив для капельницы да крепкие решетки на окнах.

Маша не сразу заметила свою подопечную. Стройная фигура терялась на фоне окна, казалась эфемерно-прозрачной, воздушной.

Женщина обернулась.

– Здравствуйте, Виктория, я ваш новый лечащий врач... Мария Сергеевна Фогель, – Маша старалась уверенно про-

изнести приветствие, но смутилась и слегка замешкалась
– Отнюдь, – послышался насмешливый голос. – Отнюдь, имя звучит по-другому, а именно – Маленькая Птичка. Весь ваш род звался именно так. *Добро пожаловать, Я ждала ТЕБЯ!*

Маша растерялась. Она была предупреждена о странном поведении пациентки, продумывала в голове различные подходы, способы войти к ней в доверие, но тот факт, что она сама будет названа чудным именем и станет долгожданной гостьей, застал ее врасплох.

Не отрываясь, Мария разглядывала Викторию Лазареву. Высока, прекрасно сложена. Фигуру не портил даже небрежно запахнутый широкий халат, расписанный шелком. Темные вьющиеся волосы убраны в пучок, зеленоватые глаза с хитрым прищуром в упор смотрели на личного врача.

Изумление Марии становилось все сильнее. Это была женщина, сбившая ее сегодня утром на машине и любезно подбросившая в клинику. Впопыхах она не успела назвать своего имени, а Маша не догадалась его спросить.

– Доктор, сейчас мы поменяемся местами. Неужели Ирина не предупредила, что мы близнецы? Кстати, как поживает колено? Не волнуйтесь, через три дня уgomонится.

– Значит, та женщина – ваша сестра? Удивительное совпадение, просто невозможное стечение обстоятельств, что именно ее машина сегодня утром...

– Мария, да полноте. Неужели, прожив тридцать пять лет, – Виктория озорно подмигнула, – вы так и не поняли, что совпадений не бывает и обстоятельства просто так не создаются? Тем более если речь идет о нашей первой встрече.

«Бред начался с первой минуты».

– Доктор, пожалуйста, не думайте, что я брежу, лишь вторую теории – все поступки людей предсказуемы, потому что уже происходили когда-то...

Втянув в себя воздух и придав лицу уверенности, Мария попыталась сменить тему:

– Виктория, давайте присядем.

Пациентка усмехнулась, чувствуя замешательство врача.

– Да, проходите, располагайтесь. Зря волнуетесь, в это время в коридоре никого нет. Лаборатория закрыта. Дежурная медсестра сплетничает в процедурном.

Маша устроилась в кресле, Виктория прилегла на диван напротив, по-кошачьи потянулась. Китайский шелк соскользнул со стройных бедер. Чертовски привлекательно соскользнул!

– Их было немало в самом начале, отец настаивал на обследовании. Я делала вид, что слушаюсь родителя, хотя давно знала, в чем мое предназначение. Все заумные психотерапевтические беседы, сосредоточенные на изучении скрытого либидо и латентной фаллософобии, лишены смысла.

– И в чем ваше предназначение, Виктория?

Ответ прозвучал молниеносно и сухо, словно выстрел.

– Я медиум. Проводник между мирами.

«А я Мария-Тереза, в таком случае!» – подумала Маша, подыскивая аргументы для продолжения беседы.

– Никакая не Мария-Тереза, вот и нет! Царской крови в вас ни капли. А имя Маленькая Птичка приклеилось, не оторвешь, – поддразнила ее Виктория.

«Что происходит???»

– Мысли некоторых людей настолько очевидны, – Виктория, запахнув шелка, повернулась набок, вытянула ногу на подлокотник дивана. Томной грацией она напоминала избалованную абиссинскую кошку. – Неужели вы не встречались с таинственным и неизведанным? Неужели все просто и понятно? Подчинено рефлексам?

Перешагнув порог этой палаты, вы попали в другой мир. Мир, созданный мною. Я позволила этому произойти. Понимаю стремление коллектива во главе с Ипполитовым излечить меня, но это невозможно априори, я здорова. Просто должна быть здесь, больница – самое безопасное место. Здесь он меня не найдет... если я сама этого не захочу.

– Кто не найдет?

Слова вылетели произвольно. Произнеся их, Маша ужаснулась: не так, ох не так надо вести беседу. Куда подевался ее профессионализм? Это же самый главный вопрос, который следовало задать исподволь, осторожно...

Виктория мгновенно сменила позу, вытянулась в струнку на краешке дивана. Она побледнела и заметно осунулась.

Удивительное дело: куда подевалась хулиганка-кошка? На ее месте сидел испуганный ребенок.

– Его имя Гай. Полное – Гай Фердинанд Лэндол.

Скользящие души. Ведьма из Текстильщиков.

Почему 11 сентября – самый тяжелый день для Ирины? Почему именно сегодня на нее накатывает ненавистное чувство собственной никчемности и бездарности? Поездка к сестре все усугубила. Еще сильнее пролегла между ними пропасть, становясь бескрайней. Пропасть между даром и ремеслом, между избранностью и особенностью, между истинным знанием и талантливой имитацией. И самое обидное, что во всех сравнениях Ирина занимает вторую, обреченную позицию. Она – самоуверенное ничтожество, лишь играющее роль успешного, способного импровизировать хо-мо сапиенса.

Одиночество все туже плетет сети, затягивает в свою воронку.

Все началось после смерти матери. Девочкам тогда было по пять лет. Отец исправно исполнял родительский долг вплоть до их пубертата. Не пропадал ночами, не приводил в дом чужих женщин. Когда же сестрам исполнилось тринадцать, он позволил себе все изменить, поселив в их пятикомнатной «сталинке» странную особу – бледную тощую

даму, затянутую в ситец с накрахмаленным колючим воротником. Он представил ее «хорошим человеком и второй мамой». Дама растянула пергаментную кожу на щеках, присела на корточки и протянула руки-веточки.

Удивлению девочек не было предела. Виктория странно хихикнула и ничего не сказала, Ирина горько расплакалась и бросилась в детскую, где в потайном углу хранила мамину кофточку. Виктория нашла сестру и сказала:

– Бледная моль заселилась к нам ненадолго.

Ирина удивленно взглянула на нее и тут же успокоилась, предвкушая, как они отомстят отцу-предателю и насолят самозванке, решившей заменить им самое дорогое.

Так Виктория нашла первую жертву для усовершенствования своего дара. Она изо щренно, изо дня в день, изводила мачеху, которая и не пыталась найти общий язык с девочками, за что и страдала. Спрятанные очки или ключи от квартиры были невинными шутками, разогревающими интерес хихикающих проказниц. Пересоленный чай или переслащенный суп – опять-таки разминкой.

В первом акте возмездия выступали со скрипом открывающиеся дверцы кухонного гарнитура и падающая на пол посуда. Второй акт исполняли ковровые дорожки, путающиеся под ногами бледной Антонины Степановны, Тонечки, как ее называл жалкий предатель.

А сколько восторга вызвало развешанное во дворе белье, плотно обмотавшее тщедушное тело! Пронзительный визг

Тонечки всполошил весь двор. Мачеха безуспешно боролась с влажными простынями, заковавшими ее в непроницаемый кокон. Она извивалась в нем как мерзкая личинка!

С того самого дня, как безликая дама попросила себя называть мамой, она подписала себе приговор, приводимый в исполнение не только днем, но и ночью. Мачехе не было покоя ни минуты, при свете солнца ее преследовали четыре пары хитрых глаз, а стоило сомкнуть веки, как начинались кошмары. Их предвещал скрежет зубов, тихие протяжные стоны и, наконец, долгожданный испуганный вопль, заглушающий детский смех.

Но, что удивительно, Тонечка сносила все мучения с ангельским терпением, поэтому девочкам она скоро наскучила. Они просто перестали ее замечать. С возрастом у них появились другие развлечения.

Вика и Ира были похожи друг на друга как две капли воды, имели одинаковый рост, цвет волос и глаз. С неукоснительной точностью и тщательностью подбирали себе одинаковые платья, завязывали хвосты и начесывали челки.

Различить девочек с первого раза могла разве что мама. Только она замечала особый, вечно блуждающий по углам взгляд Виктории и пристальные глаза Ирины, смотрящие в душу и чувствующие мельчайшие оттенки настроения. После маминого трагического ухода ни одной живой душе не удавалось их угадывать, даже отцу.

Разыгрывать этого простака двойняшкам быстро надоело,

хотя они и радовались каждый раз, когда удавалось завести его в тупик.

Что до «бледной моли», то она была не только глуха к особенностям внутреннего мира девочек, но и слепа, подобно кроту-альбиносу. Она ни разу не назвала их правильно по именам.

Розыгрыши с переодеванием и вечной путаницей сестры перенесли в школу, да и во взрослой жизни время от времени возвращались к невинным забавам.

Одной из последних антреприз было поступление в Академию имени Сеченова на лечебный факультет, где вместо Ирины на экзамене по специальности появилась Виктория. Не потому, что Ирина не была подготовлена, отнюдь. Просто сестры решили не рисковать. Несколькими минутами раньше появившаяся на свет старшая успешно ответила на все три вопроса, не вдаваясь в теорию. Она читала правильные решения в головах у членов комиссии.

Предпоследним и не менее изощренным розыгрышем стала свадьба Виктории. Перед смущенным Александром Рытвиным появились две невесты, два зеркальных отражения.

И не было дня веселее и грустнее одновременно, когда рука жениха протянулась к Ирине, и ей достался долгий призовой поцелуй.

До сих пор она видит удивленные и разочарованные глаза Александра, до сих пор ее сердце сжимается при воспоминании о темном облачке, промелькнувшем на лице Виктории.

Промелькнувшем лишь на миг... Хотя внутренне старшая сестра разозлилась не на шутку.

После розыгрыша на свадьбе обе они интуитивно поняли, что подошли к порогу, переступить который не вправе. Ира и Вика дали друг другу обещание прекратить лицедейство и исполняли его неукоснительно.

До прошлого февраля...

Поездка в Венецию на карнавал была детской мечтой Ирины. Когда-то она впервые увидела в передаче вездесущего Сенкевича сказочный город, плывущий по волнам лагуны, и с тех пор буквально им заболела.

Сегодня она – знатная дама, укрывшая лицо маской с камнями и кружевами. Прогуливается по улицам странного города, вознесшегося над изумрудной водой. Завтра она – красавица-куртизанка. Замерла на изогнутом мостике, смотрит на проплывающие изящные гондолы с красавцами-гондольерами, тянущими «O sole mio». Ирина знала, что именно в этом волшебном городе ее будет ждать Он. Благородный незнакомец, закутанный в черный, как смоль, плащ.

Виктория знала об этой мечте и тихо посмеивалась, уверяя: под Баутой¹⁴ принц спрятал веснушчатое лицо, а под атласным плащом – пивной живот. Но Ирина не обижалась на старшую, она знала, что придуманная сказка обязательно

¹⁴ Самая популярная венецианская маска, маска Смерти.

сбудется.

Так и произошло. Правда, с эффектом «наоборот».

Вместо Ирины в Венецию полетела Виктория.

Проза положила на лопатки мечту.

Ирину госпитализировали с маточным кровотечением после неудачного аборта.

И вместо принца сестре повстречался «прекрасный незнакомец» – Гай Фердинанд Лэндол.

Но незнакомцем его можно было назвать с натяжкой. С Ириной Лазаревой он долгое время состоял в переписке на закрытом форуме, посвященном расширению сознания и контроля над снами. Англичанин, как оказалось наследник валлийского рода, владелец небольшого поместья сразу заинтересовал неискушенную мужским вниманием девушку. Неплохо зная язык, она вступила с ним в профессиональную полемику о способах продления осознанности, которая постепенно перешла в тесную виртуальную связь.

Несколько месяцев спустя они знали друг о друге все, что могли или считали нужным узнать. Поездка в Венецию явилась бы их первым долгожданным свиданием в реале. Но ему так и не суждено было состояться. В последнем письме Ирина сообщила об ухудшении здоровья и отмене вылета.

Гай являлся единственной тайной, скрываемой от Виктории. Мысли сестры та читать не умела.

Воспоминания мгновенно пронеслись перед глазами Ири-

ны. Верит ли она в судьбу? В предопределенность, в фатум? Теперь уже да...

В Венецию по ее паспорту отправилась сестра, и вернулась оттуда другой.

Невеселые размышления Ирины прервала вибрация, а потом и мелодия Поля Мориа, донесшаяся из внутреннего кармана куртки. На связи был Борис Михайлович.

Она свернула на обочину и некоторое время смотрела на светящийся дисплей, обдумывая предстоящий разговор. Прослушав песню почти до конца в тайной надежде, что абонент отключится, Ира нажала на зеленую кнопку приема.

Крестного интересовал один вопрос, на который она не имела ответа. Излагать догадки по мобильному вряд ли было целесообразно.

– Да, я еду от нее. Дело очень запутанное, и по телефону не донесу его суть. Я эту гребаную суть в принципе не в состоянии донести! Чертовщина какая-то... Надо встретиться. Еду к тебе в лабораторию. Она не идет на контакт и говорит отдельными фразами. Тем не менее, кое-что вытянула. Случилось то, чего мы не могли даже предположить. Он нашел ее! Нашел во сне! Как это возможно?

Скользящие души. Денис Морозов.

«Когда Джон говорил, что измены сохраняют семью, возвращают утраченное желание, сокровенность чувств, остроту ощущений, я откровенно ржал. Теперь могу сказать: «Ты прав, брат. Так оно и есть. И знаешь, острота чувств напрямую зависит от тяжести вины, а вот продолжительность странного опьянения – от множества других факторов: степени обиды обойденной половины, планки амбиций, способности прощать и осознать собственный ляп».

Но Джону этого не понять, его половина кардинально отличается от моей, великой и ужасной Ирины Владимировны. Маринка верит старому ослу, она самозабвенно утыкается ему в плечо и плачет, полагая, что страшные подозрения ей привиделись. Подруги, застукавшие его с очередной блондинкой, просто завидуют, они бы и сами были не прочь замутить с высоким мускулистым десантником. Ага, легко списывать чужие грехи на зависть подруг.

«Тебе подвезло, Джонни! Выбрав после выпускного Маринку, ты нашел тихую гавань.

Хотя, положи руку на сердце, моя Снежная Королева дала фору.

Она совершила *то*, чего я не мог предвидеть даже во сне, она положила меня на лопатки. Ирка – номер ван, я это знал, и ты это знал и тихо постанывал от зависти, глядя на нас. Любить – так королеву!

Когда наступил тот момент из пошлого бульварного романа, я реально испугался. Практически навалил в штаны.

Хотя их-то на мне и не было. Я не верил в происходящее, затаил дыхание, будто оно способно выдать меня, притаившегося за дверью чужой спальни. Молил, чтобы Ирка не вошла и не запалила меня.

Помнишь, как Лера Ванна нашла нас в лабораторке, мы готовили бомбочку для физички? Так вот, теперь было в сто раз страшнее.

Когда я уходил, точнее, бежал из чужой квартиры, то понимал: жизнь меняется, я зачеркиваю строки, недавно казавшиеся важными, но отныне совершенно бессмысленные.

Знаешь, Джон, я не задумывался, что так может быть. В одну секунду человек, занимающий в твоей жизни определенную позицию, играющий в ней пусть не главную, но важную роль, становится статистом. С глаз падает пелена, ты не испытываешь ни капли вины, ну или разве что одну-единственную каплю. Ты хочешь, чтобы та, ставшая никем, не страдала. Исчезла из жизни навсегда и не пыталась вернуть прошлое. Ты, старик, меня поймешь точно!

Знаешь...

Мама пыталась выбиться в люди, стремилась всю свою жизнь выбраться из барака, где жили ее родители и где стояла моя колыбель. Все получилось, но из барака в трехкомнатный кооператив выбралась лишь ее оболочка, а душа, родившаяся в трущобах, осталась там. Барак – это судьба! Служа Отечеству, она забыла о ласке, старалась воспитать во мне стойкость духа, а мне оно надо? Я мечтал, чтобы сказ-

ки мне рассказывала мама, а не тетя Маша на продленке. Я завидовал детям, которых забирали вечерами домой, когда моя мать засиживалась на партийных собраниях. Но за одно я ей благодарен – она взрастила во мне отвращение к барак-ку. Животную ненависть к коммунальной кухне. Мать дала уверенность, что я никогда не повторю ее судьбу.

И тогда, убегая из панельной хрущевки, ставшей самым тоскливым местом на земле, успел запрыгнуть в последний вагон.

«Не пойман – не вор» – так ты мне сказал, Джонни... Спасибо, друг, что выручил.

Знаешь, чем удивила меня королева?

Она призналась мне в любви. Мне, слезшему с ее простушки-подруги.

Она делала это каждый день на протяжении месяца.

Весьма неожиданно. Чертовски возбуждающе.

Я повсеместно находил записки от нее. Правильно говорят: в каждой бабе спряталась ведьма. Моя кудесница сотворила невозможное: вернула страсть, острую, животную. Скрепила наш почти развалившийся брак. Правда, ненадолго. Но это уже другая история. О ней в следующий раз.

Вспоминаю ли я ту, с кем изменил жене?

Чуть не спросил, о ком ты. Стараюсь не делать этого, дружище... Зачем?

Это уменьшает уровень комфорта.

Отношения только тогда имеют смысл, когда приятны

обеим сторонам.

Машка перестала выполнять функцию промокашки-жизетки и бесплатной норки. Прости, грубо, но правдиво.

Неужели ты думал, я выберу совковый барак? Ненавистный мною барак?

Только одна мысль порою мучает. Маша, думаю, сильно заморочилась нашим расставанием, пусть я стану ей безразличен. Ведь что греха таить, я недостоин ее, юродивой дурочки, верящей в бескорыстную любовь и необходимость самопожертвования. Бедняге пришло время повзрослеть... Хотя... После тридцати пяти – это уже клиника».

Денис положил мертвую трубку на базу. Он часто воображал, что говорит с Джоном, но в реальности не делал этого, просто не находил в себе сил признаться другу в пустоте и одиночестве. Он придумывал умные фразы, чтобы упорядочить мысли, которые, подобно броуновским пчелам, роились в голове, мешая вести размеренную жизнь альфонса.

Одно из великих достижений – признать истину, взглянув на себя со стороны.

Да, ну и что с того?

Альфонс, приживалка, нахлебник, жиголо, эскорт-партнер. Много имен – суть одна.

Ну-ну, негоже постоянно заниматься самоедством, каждый выживает по способностям, а умный – еще и по потребностям.

Скользящие души. Viva Venezia! Viva Carnevale!

На третьем этаже панельной многоэтажки под плетеным абажуром зажегся свет. Маша заварила чай и попыталась расслабиться после богатого на события дня.

Заглянувшая на огонек дочка присела рядом и прижалась к уставшей маме. Взгляд Маши упал на еле заметный шрам над губой. Рана, нанесенная ребенку, служила вечным напоминанием и укором, маяком, позволившим вырваться из безумия.

Интересно, где тот маяк, что вернет из паутины Викторцию Лазареву, женщину с невероятной судьбой?

Поговорив с дочерью о делах в школе, о новом мальчике, пришедшем с началом четверти в их класс, Маша поцеловала зевающую девочку в лоб и пожелала спокойной ночи.

Оставшись одна на кухне, сделала большой глоток чая и устало прикрыла глаза.

Стоит ли отделять зерна реальности от плевел бреда, искать объективные границы, обосновывать ими услышанную историю, использовать как фундамент? Или сотканный рассказом Викторции сказочный замок из песка смывает реальность?

Маше были знакомы симптомы параноидального психоза, развивающегося при хроническом алкоголизме, характеризующегося бредом преследования, выраженным аффектом тревоги и страха, двигательным возбуждением и импульсив-

ными реакциями. Пограничное состояние с притаившейся за углом шизофренией.

Виктория подтверждала каждый хрестоматийный симптом и в тот же момент опровергала его. Словно сама прекрасно осознавала опасность и приводила вполне обоснованные объяснения компрометирующим действиям. Если бы не амок¹⁵, приступ безудержной ненависти к родной сестре, в момент которого она была госпитализирована полгода назад... Имитация? В клинике под замком сидит талантливейшая симулянтка?

Но есть жесткие факты, подтверждающие абсолютную неадекватность восприятия, самоизоляцию, оторванность от окружающего, разрыв по собственной инициативе всех родственных и социальных связей... Это может быть последствием высочайшего душевного напряжения и пережитой психологической травмы.

Тогда установленный доктором Ипполитовым диагноз прогрессирующего психоза подтверждается.

«Так и скажу завтра на планерке. Так и скажу, что ни черта не понимаю!», – решила про себя Маша Фогель и постаралась восстановить в памяти невероятный рассказ Виктории.

Скользящие души. История Виктории Лазаревой.

¹⁵ **Амок** – психическое состояние, характеризующееся резким двигательным возбуждением (как правило, бег) и агрессивными действиями, беспричинным нападением на людей.

– А кто такой Гай Лэндол? – спросила Маша, не сводя глаз в бледной, вытянувшейся в струнку на краю дивана женщины.

На несколько мгновений воцарилась гнетущая тишина, которую прервал судорожный вздох. Стало ясно, что невинный вопрос вызвал у собеседницы мучительную боль, ее лицо потемнело, идеально гладкий лоб прорезала морщина, намертво застывшая между бровями.

Глухой голос принадлежал уже другому человеку, не озорной кокетке, без стеснения демонстрировавшей врачу странные ножки.

– Гай? Этот... человек, если его можно таким назвать... вывернул мою жизнь наизнанку, исследовал все темные уголки, вытащил все секреты и выкинул на свалку за ненужностью.

Но мой мозг хранит одну важную тайну, о которой он догадывался, изысканно пытая... Был уверен, что я не смогу противостоять. Но потерпел фиаско. А разгадка необходима, он одержим ей, только ключик надежно заперт вот здесь.

Тонкий белоснежный палец с острым ноготком коснулся виска, а потом быстро смахнул скопившуюся в углу глаза слезу.

– А еще это самый прекрасный любовник на свете...

Маша в недоумении смотрела на Викторину, ожидая пояснений. И вскоре они последовали.

– Я появилась на свет несколькими минутами раньше

сестры и была удостоена тяжелой награды. Особое знание и предначертанный путь. Я родилась без права выбора.

Этому знанию не научат ни в одном университете, ни в одной, даже самой престижной, академии. Его не существует сейчас, оно завещано прошлым, навеки потерянным миром.

Его отголоски, следы доступны лишь избранным.

Мне думалось в детстве, что сестра, мама, да и все люди вокруг видели, слышали и чувствовали то же самое. Когда я поняла, что эта способность принадлежит только мне, столкнулась с одиночеством, которое стало моим верным спутником, собеседником, учителем, судьей и защитой.

Не буду утруждать вас подробностями взросления особенного ребенка. Для нас сейчас придумано мудреное прозвище – индиго. Аура таких детей, как утверждают, светится синим цветом. Я согласна с одним – мой любимый оттенок лавандовый, переходящий в берлинскую лазурь, но это не имеет прямого отношения к рассказу.

Венеция...

Город-призрак, танцующий на волнах Адриатической лагуны, город-перевертыш, прячущий один раз в год истинное лицо за нарочитым весельем карнавала и таинственными масками... Легенда, тайна, символ романтической любви, заблудившейся в узких переулках, замершей в ожидании на горбатых мостках, умирающей и воскресающей вновь в протяжных песнях гондольеров.

Город, о котором мечтала моя младшая сестра, по воле

рока стал палачом для меня.

Мы с раннего детства любили розыгрыши, никто кроме мамочки не мог отличить нас друг от друга. И мы нередко этим пользовались.

Поездка Ирины сорвалась из-за неудачно сделанного аборта.

«Не убий!» – Ира нарушила эту заповедь, а расплата за грех почему-то легла на мои плечи.

Она уговорила меня еще раз воспользоваться феноменальным сходством и слетать в Венецию по ее паспорту, на ежегодный карнавал.

В моей галерее шел затянувшийся ремонт, Саша улетел в Лондон на конференцию. От нечего делать я согласилась.

Знаете главную особенность фатума? Все обстоятельства вокруг запланированного действия сложатся удачным пасьянсом. Все кусочки паззла найдутся легко, без усилий. Вас понесет навстречу судьбе как на крыльях.

В начале февраля 2010 года меня понесли крылья «Али-талии»¹⁶.

Отель, что забронировала сестра, находился не слишком далеко от площади Сан Марко, на берегу одного из бесчисленных каналов, пронизывающих город подобно кровеносной системе. К рецепции вел изогнутый маленький мостик,

¹⁶ Итальянская авиакомпания, пятый по величине авиаперевозчик в Европе.

с обеих сторон украшенный подвесными горшками с цветущей геранью. Не удивляйтесь, она там цветет круглый год.

«Ка де Конти», собственность семьи Шеридан, построенный в начале четырнадцатого столетия, – жемчужина городской архитектуры, выбранная Ириной для осуществления долгожданной мечты. Мало того, что она отыскала один из самых романтических отелей, она за полгода до карнавала зарезервировала прокат костюма, который был доставлен консьержем и лежал у огромного зеркала в гостиной в ожидании примерки.

Я увидела вместительную синюю коробку с надорванным краем. Из него торчал лоскут алого цвета.

«Ирина в своем репертуаре. Теперь меня примут за обезумевшего петуха или попугая».

Но, вынуждена признаться, костюм оказался великолепен. Он полностью отражал внутренний мир моей сестры – мир позерства, кокетства, вычурности и богемного эпатажа. Но и в то же время удивлял изысканностью кроя, изяществом кружев, богатством вышивки.

У меня невольно вырвался вздох восхищения, а в голове прозвучал закономерный вопрос: сколько стоила его аренда?

Это было ярко-красное платье из тяжелого атласа, стянутое корсетом и увенчанное откровенным декольте. Дополнением служил кушак, отделанный замысловатой парчовой вышивкой. Костюм куртизанки. Под платьем, в отдельной коробке, перетянутой атласной лентой с фирменным ярлычком

мастера, нашлась маска. Для неучей вроде меня над именем мастера стояло короткое название: «Moretta Tragicomica.it.».

Маска была прекрасна. Настоящее произведение искусства.

Руки задрожали от волнения, когда я вытаскивала ее из упаковки. Не предполагала, что современные мастера могут создавать подобное совершенство. Тонко выделанную кожу вокруг прорезей покрывала искусно выложенная россыпь темного и светлого речного жемчуга. Не совладав с любопытством, я подошла к зеркалу и приложила ее к лицу. И произошло чудо! Взглянув через узкие щели, увидела другой мир, искрящийся фейерверками, танцующий на радуге, фантастический, волшебный, суливший мне исполнение самых заветных желаний. Посетило ощущение, что я выиграла билет в забытую сказку.

На обратной стороне маски не было ни одной ленты, чтобы закрепить ее на лице; не нашлось и отверстия для держателя. Лишь небольшая палочка из пластика изнутри, на уровне рта.

Ясно, значит, мне придется во время празднества держать маску зубами, согласившись на добровольное молчание. Довольно оригинальное спасение от женской болтливости придумали венецианцы. Безмолвная красота – идеал женской сути.

Но Ирина могла бы предупредить заранее об особенности выбранного образа. Странное решение – не произносить ни

слова на протяжении карнавала – заключало в себе явный диссонанс с экспрессивной природой сестры и с обликом обворожительной куртизанки.

Погружаться в мир чужой мечты я не собиралась.

Поприсутствовать завтра на традиционном «Полете ангела», провести пару часов в карнавальной толчее, поглазеть на человеческую фантазию, воплотившуюся в масках. Посетить один из костюмированных балов (сестрой было зарезервировано три) и возвращаться!. Потому что с самого начала все пошло не так!

После первого шага на венецианскую землю, который закончился неловким падением на пристани, вплоть до рецепции отеля не отпускало чувство слезки. Меня вели. Человек или фантом?

Я чувствовала на спине две ледяные точки.

Потом положение усугубилось: появился пробегающий по телу морозец – верный признак присутствия чужеродной сущности. Я остановилась, делая вид, что люблюсь Мостом Вздохов, закрыла глаза и полностью сосредоточилась на ощупывании окружающей действительности. И неожиданно для себя соприкоснулась с пустотой, с Ничем.

И Ничто более не отпускало.

Наверное, для несведущего человека тут требуется пояснение: пустота похожа на порыв ледяного ветра, моментально лишаяющий осязательных рефлексов. Она завораживает, замораживает, омертвляет. Тогда силой мысли мне удалось

растопить наледь и продолжить путь. Но, подобно репью, Ничто прилипло к картине восприятия и затаилось. Пустота поселилась в душе, но не предъявила образа, который она собиралась примерить для реальной жизни. Пока еще не предъявила.

Сидя на полу комнаты за плотными портъерами и закрытыми ставнями, разглядывая маску, я на время освободилась от чужого...

Рассказ Виктории прервался. В палату вошла процедурная сестра с тонометром. Маша наблюдала за манипуляциями коллеги, отметив удобу рук своей пациентки. Женщина была истощена не только душевно, но и физически. Доктор сделала пометку в карте о необходимости контролировать питание и добавить физические упражнения для повышения мышечного тонуса.

Дверь за сестрой закрылась, и Виктория, проводив ее взглядом, тихо произнесла:

– Предостерегите Ларису от задуманного. Оно не принесет желаемого, лишь усугубит ситуацию. Отпустите ее со смены пораньше и напомните слова: «Я подумаю об этом завтра». А завтра будет другой день...

Итак, вернемся к моей истории, фантазмагорической, сюрреалистической, запредельной и в то же время многократно разыгранной персонажами захолустных мыльных опер... Почему вы смеетесь?

Мария посерьезнела.

– Вы очень интересно рассказываете. Словно красивый роман пишете.

– Ничего не могу поделать с витиеватостью речи. Не отвлекайтесь!.

...Притаившаяся Пустота не заставила себя ждать. Стоило мне появиться на следующий день на улице и смешаться с толпой чирикающих японцев, она явила свой лик. Азиаты обступили закутанную в алый шелк и атлас куртизанку и в восхищении защелкали фотоаппаратами. В этот момент за капюшонами дождевиков мелькнуло белоснежное лицо, безмолвное, пустое. Оно обожгло черными провалами глаз и тут же исчезло в толпе, смешавшись с гостями карнавала. Люди спешили на площадь, на традиционный «Полет ангела».

Я пыталась вычислить белую маску среди идущих, но безуспешно. А следующий раз она появилась уже довольно на большом расстоянии, в конце переулка, выходящего на Сан Марко.

Человек, закутанный с головы до ног в черный атласный плащ с низко опущенным капюшоном, сверкал белоснежным мертвенным лицом. Он стоял против течения толпы и не сводил с меня черных пустых глазниц. Люди его не видели, они просачивались насквозь.

Потом фантом развернулся, смешался с толпой и исчез, мелькнув вороньим крылом – полый хлопнувшего на ветру плаща.

Чей он? Что ему нужно?

Именно эта сущность следила за мной с первых шагов по венецианской земле. Какую ужасную маску она выбрала! Лик пустоты, безразличия, маску Вольто – гражданина, одну из классических личин. Под ней нередко скрывали человеческие пороки и безнаказанно творили зло.

Закравшийся внутрь страх разросся подобно плесени и ослабил защиту от постороннего вмешательства. Обычно я всегда ставила внутренний барьер от чужих мыслей, которые, если им дать волю, жужжат в голове назойливыми мухами.

Защита стала для меня обыденностью, как для вас мытье рук перед едой. Она играла роль респиратора в задымленном помещении, давала возможность дышать, жить собственной жизнью, а не скользить по обрывкам чьих-то эмоций. Многие человеческие эмоции подобны радиоволнам: сначала мечущиеся, путанные, еле-еле прорывающие эфир, как вдруг оглушающие лавиной, какофонией звуков и лишь потом умиротворяющие тихой мелодией. Находясь в социуме, я мысленно облекала себя в зеркальный кокон, не позволявший проникать в мое сознание.

Блаженны несведущие. Видели ли бы вы, что крутится сейчас здесь, в пропитанном антисептиками, наставлениями врачей и молитвами пациентов убежище! Просмотр ужастика стал бы лишним.

Маша невольно огляделась по сторонам.

– Только страх, немотивированный, необоснованный, беспричинный, способен, подобно ржавчине, прогрызть мой скафандр.

Так и произошло. А вслед за страхом, пробившимся сквозь дырочку, я услышала Голос. Визгливый, нечеловеческий. Так мог звучать винил, проигрываемый не на той скорости. Так говорят клоуны. Бойтесь клоунов? Я – очень. Голос скрипнул:

«Иди за мной».

Мария в смущении опустила глаза. Надежда на изменение установленного диагноза таяла на глазах. Манья преследования – один из основных признаков шизофрении. Виктория опять прочла ее мысли, тихо вздохнула и опустила голову на поджатые к животу острые колени.

– Мария Сергеевна, не спешите с выводами, дослушайте мою историю до конца, а потом решайте, сумасшедшая я или Другая.

Полагаете, я не могу отличить обычного зеваку, комедианта, разыгрывающего интригу среди всеобщего маскарадного помешательства, намерившегося испугать меня, от действительного зла в человеческом обличии? Если бы это были происки ряженого юноши, затеявшего игру в догонялки... Нет! Вы намерены дослушать меня?

– Извините, Виктория, продолжайте, – Мария от смущения покраснела. Ей стало жутко, что пациентка читает ее словно открытую книгу.

– Каждый человек на вашем месте принял бы меня за буйно помешанную, страдающую от иллюзорных козней. Чужое присутствие подобно тревожной кнопке на пульте охраны. Она расположена вот здесь – на затылке, – Виктория повернулась боком к Маше и приподняла кудрявые волосы. – И вот тут еще одна, – рука женщины коснулась горла. – Я всегда ощущаю пульсацию. По мере усиления воздействия становится тяжелее дышать.

В тот день я пыталась всеми известными способами сбросить присосавшегося спрута, но усилия оказались напрасными. Агрессия пустоты не контролировалась, ее ледяное дыхание охватило все тело. Подобно марионетке, перестав управлять мыслями и поступками, я подчинялась заволашевающему зову.

«Иди за мной».

Я слилась с толпой туристов и ряженых, миновала Часовую башню, вышла на площадь Сан Марко. Вы были в Венеции, Маша?

– К сожалению, нет, но...

– Вы там обязательно побываете. Любовь приводит каждого человека в этот город и распоряжается им по собственному усмотрению. Ваш избранник боготворит Венецию.

Маша нахмурилась. Какой еще избранник? Не обращая внимания на ее реакцию, Виктория продолжала:

– Когда попадете на центральное пьядцо, доставьте себе удовольствие – покормите голубей, священных птиц Вене-

ции. И дайте им свободу вести себя как они привыкли, просто доверьтесь и ничего не бойтесь.

В то утро, несмотря на постепенно заполняющуюся народом площадь, голуби не сдавали позиций, кружили небольшими стайками у базилики, собирались под арками Прокуратур, клевали рассыпаемые туристами зерна.

Голос главенствовал над моим разумом. Контролируя свои действия лишь частично, я подошла к продавцу корма и отдала евро за пакетик с сушеной кукурузой. Рассыпала горсть.

Голодные птицы облепили меня, цепляясь острыми коготками за одежду. Они ползли вверх, угрожающе курлыкая, приближаясь к лицу. Я из последних сил пыталась стряхнуть с себя наглую стаю, но усилия оказались напрасными. Несколько особенно зарвавшихся особей, цепляясь за оборки платья, поднявшись, атаковали мои плечи и голову. Полагая, что от роскошного костюма уже не осталось и следа, я, продолжая сжимать во рту маску, беспомощно оглядывалась по сторонам, ища спасения.

Вокруг толпились зрители, восхищенные необычным птичьим аттракционом. Мелькали вспышки камер.

Но помощь все же пришла – она прозвучала в моей голове тем же визгливым голосом, который и привел меня на площадь: *«Убей! Убей одного, кинь камень в стаю – и все сразу закончится, словно в сказке – они заклюют сами себя...»*

Я, теряя самообладание, вновь присела на мостовую и закрыла уши, стараясь не слышать странных приказов, но правая рука машинально потянулась назад и нащупала неизвестно откуда взявшийся булыжник.

Откуда он взялся?

Вокруг меня волновалось, вздрагивало крыльями антрацитовое курлыкающее море, и я вожделенно упивалась осознанием грядущего убийства. Своей властью над безмозглыми тварями, унизившими меня перед толпой, испортившими коготками и клювами дорогой карнавальный костюм.

Рука судорожно сжала камень.

Через секунду на нее легла тонкая бамбуковая трость, и я услышала глухой голос, словно говоривший человек производил слова через металлическую трубу.

Я подняла глаза и закричала от ужаса.

Моретта выпала и покатилась по мокрой мостовой.

На меня хищно нацелился длинный птичий клюв диковинной маски. Человек, стоящий рядом, быстро убрал с моей руки трость, а другой рукой перехватил зажатый камень. Приподняв маску, заговорил:

– Мисс, не делайте то, о чем серьезно пожалеете. Голуби – священные птицы этого города, и им позволено все. Готовящееся преступление никто не заметил, кроме меня. Все наслаждаются «Полетом ангела». Все, кроме нас.

Я разглядывала странную птичью маску с нарисованными

на ней круглыми очками, черную шляпу с круглыми полями и непроницаемый, полностью скрывающий тело плащ из тяжелого атласа, отороченный серебряной вышивкой с изображением черепов. В прорези маски на меня с любопытством смотрел один ярко-голубой и другой зеркальный глаз, в котором на миг отразилось мое бледное лицо. Мужчина вновь приподнял маску и сдержанно улыбнулся, вздернув уголки губ.

Двусмысленная улыбка и хищно опущенный клюв загадочной птицы напомнили гротеск Апокалипсиса, существо, сошедшее с полотен бессмертного Босха.

Я не могла отвести от незнакомца замороженного взгляда, и только девочка, тронувшая меня за локоть («Signora, è la maschera?¹⁷»), прервала визуальный диалог.

– Как ваше имя, мисс? – услышала я вопрос незнакомца, после того как малышка вернула мне утраченную Моретту.

Что заставило меня тогда соврать, какой потаенный голос дал совет – не знаю, но я назвала имя сестры.

Ряженный галантно поклонился, снял шляпу. Приподняв за клюв страшную маску, полностью открыл лицо, на котором играла искренняя мальчишеская улыбка.

– А меня Гай, Гай Лэндол, очень рад познакомиться, Ирина.

Напряжение мгновенно спало, и я с интересом разглядывала стоящего рядом господина, молодого мужчину ростом

¹⁷ «Синьора, это ваша маска?» (итал.)

немногим выше среднего. Светлые волнистые волосы его были стянуты кожаным ремешком в хвост. Под плащом угадывалось мускулистое, натренированное тело. Одно из стекол странных очков оказалось обычным, сквозь него насмехался голубой глаз, другое же отливало зеркальным блеском.

Мужчина, назвавший себя Гаем Лэндолом, не являлся красавцем в классическом понимании, но был щедро наделен обаянием. Смелый, нагловатый взгляд с прищуром, открытая, располагающая улыбка, благородные, хотя чуть и надменные черты лица, присущие жителям Альбиона, волевой подбородок, обветренная на вересковых пустошах или средиземноморских берегах кожа щек, правильной формы нос с небольшой горбинкой.

Рассматривая его, я почувствовала, как внутри затрепетал крыльями мотылек, испуганно и восхищенно. А самое главное – неожиданно!

Он шагнул ближе и предложил руку. И тут случилась еще одна странность. Как только я дотронулась до его локтя, пульсирующая точка в голове погасла. Сжимающее горло ощущение Зла исчезло. Все тревоги миновали! Я полной грудью вдохнула влажный, пропитанный морем воздух и улыбнулась.

В тот же миг раздались оглушительные звуки фанфар и тромбонов, возвещающих начало праздника. Мимо кубарем пронесся клубок ряженных. Нас окутал пестрый дождь из разноцветных конфетти.

Viva Venezia! Viva Carnevale!

Да здравствует Венеция! Да здравствует Карнавал!

Я вздрогнула от неожиданности, а Гай успокаивающе сжал мою руку.

– Знаете, Ирина, что в средние века с колокольни Святого Марка спускали не бутафорного ангела, как, например, сегодня известную топ-модель – дочь местного мафиози, накаченную транквилизаторами. Да-да, видели бы вы ее лицо – сомнений никаких. Девушка почти невменяема! Если бы не солидный гонорар от местного муниципалитета, она бы в аду видала все эти полеты. Так вот – раньше спускали настоящих преступников. И отправляли их без всякой страховки, протянув обычный канат между колокольной и балконом Дворца дожей. Бедняги, которым за отважный поступок гарантировали отпущение всех грехов, ползли вниз с корзиной, наполненной лепестками роз, и щедро посыпали ими восторженно ревушую толпу.

Немногим удавалось пройти весь путь не сорвавшись, но везунчики, шагнувшие на балкон дворца, становились героями, обещавшими Венеции счастливый, безбедный год. Если же несчастные падали, то год, по обычаю, предвещал грядущие невзгоды и болезни.

Потом дожди перестали искушать судьбу, и место арестантов заняли обычные акробаты, умелые канатоходцы, гарантирующие вечно тонущему городу безбедное существование. И лишь теперь традиционное действие превратилось в

фарс.

Я каждый год посещаю Венецию в конце великого поста и уже потерял счет тем, кто спускался с несчастной колокольни. Она не выдержала издевательств и обрушилась в начале прошлого века, но, благо, сейчас полностью восстановлена.

В этот момент я готова была задать глупый вопрос: «Вам больше ста лет, Гай?» – но остереглась. Решила, что не совсем правильно поняла.

Англичанин продолжал:

– Кто только ни летал вниз, начиная с искусно выполненных муляжей, потом известных актеров и рок-певцов и заканчивая сегодняшней королевой гламура. Что отцы города придумают на следующий год? Где им взять настоящего ангела?

Я слушала его молча, исполняя роль, навязанную мне маской. Роль безмолвной дамы.

На губах Гая заиграла улыбка, он словно прочел мои мысли:

– Интересную роль ты себе выбрала, молчаливая куртизанка. Маска особенная. У какого мастера она изготовлена? В обычных салонах Моретту не продают. Нынче дамам молчать не принято. А зря. Они лишают возможности говорить тело, язык которого глубоко эротичен и подчиняется лишь инстинктам. Твои слова пройдут через беспристрастный фильтр разума и сохранят один процент истинного намерения. А тело всегда скажет правду.

Ну вот, ты улыбаешься, и маска вновь готова покатиться по мостовой. Мне льстит твое внимание, но не мешает услышать и голос. Скажи, в каком отеле ты остановилась? Я пришлю новую маску, удобную. Образ Венецианской Дамы более всего гармонирует с платьем куртизанки.

Я молчала.

– Тем более на балу, на который ты приглашена, следует не только улыбаться окружающим, но и говорить с ними.

Я в недоумении отвела Моретту от лица и, капризно изогнув бровь, взглянула на самоуверенного англичанина.

– Приглашена?

Голубой глаз Доктора Чумы весело сверкнул. На лице заиграла обезоруживающая улыбка. Спорить с ним я не осмелилась, да и не хотела.

Он поражал меня, удивлял и в то же время держал в напряжении, в нарастающей интриге.

Слегка настораживало, что рядом с Гаем я чувствовала себя в абсолютной безопасности, а такое бывало крайне редко.

Что бы это значило? Куда спряталась пустота, следовавшая по пятам?

Тогда я объяснила произошедшее разлившимся по городу добрым волшебством. Радость вернувшихся в детство людей прогнала призрака.

– Отель «Де Конти»? Так это совсем недалеко. Неплохой выбор для участника массового помешательства. Нас разделяет канал Джудекка, я остановился в «Чиприани», на том берегу. Жди подарок! А сегодня приглашаю тебя на ламбруско. Потрясающий вид на закат прилагается.

Виктория со вздохом опустила голову.

Маша с тревогой следила за ее реакцией, готовая в любой момент прервать рассказ.

Несколько минут больная молчала, а потом неожиданно подняла на врача счастливое лицо.

– Это было самое прекрасное время. Не бойтесь за мой рассудок, позвольте вновь побывать там, под вашим контролем это безопасно. Тем более, следуя психологической практике, избавиться от проблемы можно лишь пережив ее вновь. Давайте проведем несколько изумительных по красоте и страшных впоследствии мгновений вместе.

Вы готовы отправиться в путешествие? В мир карнавала, буйства красок, безудержного веселья, обезумевших, оторванных от повседневных забот людей, ставших детьми; а за кулисами карнавального сумасшествия готовы ли вы познакомиться с демоном, живущим среди нас?

Повисло молчание. Виктория терпеливо ждала ответа. Маша, сглотнув ком в горле, послушно кивнула головой. По-

забыв о статусе врача, миг превратилась в девочку, предвкушающую страшную сказку на ночь. Ей сейчас не хватало большого пухового одеяла, чтобы зарыться в него с головой.

– Обещанная маска Дамы была доставлена незадолго до выхода на бал Серениссима. Сестра забронировала место на том же балу, на который позвал меня Гай. Я посчитала это тогда случайным совпадением.

Кожаная, легкая как пушинка полумаска лежала в руках. Я не могла наглядеться на золотую с кармином роспись, затейливый растительный узор, окружающий миндалевидные отверстия для глаз и плавно спускающийся к носу. Сколько же она могла стоить? Пару сотен как минимум.

С чего он так щедр? Мы ведь едва знакомы.

И тут же озорная мысль: Гай позаботился о том, чтобы мой рот был открыт, чтобы я не только говорила, но и...

Теплая волна предвкушения разлилась по телу, я закрыла глаза, представив прикосновение его губ, мягкое, нежное, требовательное.

Внезапно нахлынувшее искушение продлилось лишь миг. Опомнившись, негодуя на вырвавшиеся на свободу чувства, я до крови прикусила губу и стряхнула морок.

Вдали от Гая мои способности восстанавливались как и контроль над разодранными в клочья эмоциями.

Тем не менее желание загадалось, и Вселенная принялась тасовать карты, подбирать пазлы для осуществления задуманного.

манного.

Дорогая Маша, не буду утруждать вас длительным описанием действия, свидетелем которого я оказалась. Тем более не пройдет и года, как вы сами станете свидетелем добровольного помешательства. Не спорьте!

А лучше представьте себе ежесекундно рассыпающиеся и вновь рождающиеся картинки калейдоскопа. Суматоху, смех, непрекращающиеся антрепризы, буффонады и пантомимы бессмертной комедии дель арте, сопровождающие гостей города начиная со Славянской набережной, продолжающиеся под кружевными арками Дворца дождей на Сан Марко и заканчивая рынком Риальто.

Хитрый проказник Арлекин, дурак и прохвост, под руку с Пульчинелле незлобиво задирали похожих, вовлекали их в импровизированные сценки, смешили, а потом милостиво позировали для фотографий.

Своенравная Коломбина прохаживалась под руку с венецианским купцом Панталоне в сопровождении умного слуги Бригеллы.

На каждой улице менялись трупы, персонажи и костюмы, а с ними менялся и смысл разыгрываемых сценок, так что постепенно я потерялась в сюжетах увиденных пантомим и клоунад.

Звуки музыки, гитар, мандолин, виол и скрипок слышались из переулков старого города.

На фоне лицедейства клоунов существовали Великие Маски, стоящие отдельными группами, парами или в одиночестве.

Как посланцы другого, параллельного мира, как выходцы из края сказочных снов. С удовольствием позирующие, замирающие на время фотосессии в грациозных позах, молчаливые гонцы потусторонности. Они снисходительно наблюдали за нами сквозь миндалевидные прорези и хранили вечную, никем не разгаданную Тайну.

Находясь с Гаем, я не слышала мыслей окружающих меня людей, не плыла по волнам их настроений. Все эмоции и чувства сосредоточились, все энергетические потоки замкнулись на одном человеке. Словно волшебная бамбуковая трость, прикоснувшаяся к руке, расколдовала меня, превратила в обычную женщину, какой мечтала быть всегда. Гай, подобно фильтру, глушил проявления тонкого мира, был их естественной преградой.

Я наслаждалась покоем, тишиной, чувством полета, царившим в душе. И влюблялась в него с каждым днем все сильнее.

Пасьянс потихоньку складывался.

Он познакомил меня со своей Венецией, годами исхоженной им, открывшей все свои тайны.

Горбун Риальто, символ мрачного Средневековья, навеки

застывший на крошечной пьядетте¹⁸. Гай, перегнувшись через перила, похлопал его по плечу как старого знакомого и что-то прошептал на ухо.

Замысловатые нехоженые мосты, спрятавшиеся от туристов среди старых кварталов. Один из них – особенный, он носил название Моста Чудес, в честь любви, которую испытал красивый юноша к скромной невзрачной девушке с сердцем королевы.

Тайными тропами Гай водил меня по маленьким, притихшим в февральском влажном сумраке кампьялло. Замерзнув, мы останавливались – выпить горячего вина и шли дальше.

Петляя в лабиринте улиц, мы добрались до дома сердцеда Джакомо и пересели на катер, чтобы увидеть Палаццо Дарио, завершающий коллекцию любимых мест Гая. Дворец, убивающий своих владельцев. Зброшенный, пугающий мертвенной красотой дом с желтоватыми мучнистыми медальонами и зеркальными арочными окнами, в которых отражались проплывающие по студеному зимнему небу облака.

По слухам, его нынешний хозяин, богатый американец, продан дьяволу с потрохами и поэтому до сих пор жив. Как бы то ни было, ни одна живая душа не осмеливается поселиться во дворце, ставни прочно заколочены, дом необитаем.

Светлейшая Венеция полна неразгаданных тайн.

¹⁸ В пер. с итал. – «маленькая площадь».

Гай Лэндол был одной из них.

Мы могли разговаривать молча, знали ответы друг друга. Такой теснейший контакт существовал у меня лишь с Ириной, а теперь ее место занял прекрасный незнакомец, о котором к вечеру третьего дня я знала все...

Или почти все. Не считая одной страшной тайны, спрятанной, как в ящике Пандоры, в туманных переулках его души. Разгадав этот секрет, можно проститься с рассудком.

Все участники ежегодного паноптикума подразделяются на три основные группы. Первую, самую немногочисленную, составляют коренные жители островной Венеции, для них карнавал является одной из статей дохода и одновременно причиной головной боли. Большинство островитян занято в сфере обслуживания. Они являют здравомыслящее зерно происходящего массового помешательства, его стабилизирующий фактор.

Вторую, основную часть представляют собой празднично шатающиеся гости, стекающиеся в обезумевший на время город со всех концов света. В зависимости от материального благополучия и желания они являются зрителями и хроникерами преобразования либо же его непосредственными участниками. Арендуют предлагаемые в отелях костюмы и маски, присутствуют на многочисленных традиционных балах.

И, наконец, третья, обособленная каста сильных мира сего. Заболевшие карнавалом богатые эстеты и ценители кра-

соты, состоящие в закрытых ассоциациях и клубах, участвующие в подобных перформансах по всему миру и тратящие баснословные средства на фантазии знаменитых мэтров от кутюр на дизайн и пошив костюмов, с каждым разом все более изысканных.

За ними из года в год сохраняются номера в лучших отелях города. Резервируются места на публичные и закрытые балы. Именно они являются лицом и душой карнавала, его движущей силой, его иконами, без которых само существование феерического и мистического действа окажется бессмысленным.

Гай принадлежал к этой касте.

Сопроводив его на прием в «Папавафа», переместившись на следующий вечер в легендарный «Даниэли», продолжив костюмированное веселье на прогулке в гондолах по бесчисленным тенистым каналам, я наблюдала особый ритуал общения посвященных. Казалось, мой спутник знал абсолютно всех собравшихся участников праздника, вне зависимости от того, надеты на них маски и костюмы. Чуть позже, устав от лицедейства и грациозных поз, аристократы сменили фантастический наряд на привычный для приемов смокинг или коктейльное платье, оставив на лице лишь намек на таинственность, провоцирующую на сомнение полумаску.

Принадлежность к особому, другому миру выдавала Гая с поличным. Он и тайна были неразделимы как брат и сестра, с первых минут знакомства я заблудилась в лесу подобно

Гретель, следуя рассыпанным лже-Гензелем крошкам.

Умело расставленная ловушка захлопнулась.

«Я скрылся под одеждой и маской клоуна. Мои мысли, намерения, действия неожиданны. Я умею постоянно перевоплощаться и со смехом делать то, что многим может показаться запрещенным и непристойным. Любить, не любя...» – сказал невенчаный король Венеции, ее великий и бессмертный певец¹⁹.

Так кем Гай был тогда?

Я не ошиблась, употребив это наречие – «тогда», потому что с течением времени его образы менялись, ощущения путались.

Уровень знания языка позволял мне без особых проблем понимать его, мои же попытки выразить чувства, напротив, вызывали у Гая снисходительные улыбки. Он повторял:

– Я читаю ответы в глазах, ну а если они касаются губ, то я испытываю истинный восторг, вне зависимости от правильности построения или выбранной формы глагола. Твои ошибки прелестны!

Его голос и слова наполняли сердце блаженством, и я полностью забыла об осторожности. Гай умел искушать.

¹⁹ Речь идет о Джакомо Казанова.

Помню ожоги от пристальных взглядов престарелых мамок и молодых див, брошенных на меня в моменты знакомства, леденяще-пронизывающих, оценивающе-уничтожающих. На приемах Гай всегда держал мою руку и не обращал внимания на страдалниц.

Как мне не хватало в тот момент утраченной защиты! Но исполнившееся желание лишило способности рассуждать, оно требовало все большего наслаждения.

Разум оглох и не слышал шепота интуиции. Да и откуда взяться опасности в праздничном, ликующем городе?

В образе Гая все казалось восхитительным, провокационным и тем более желаемым. Раньше несколько деталей меня бы сразу насторожили, а тогда лишь добавили загадочности к портрету. Странная полужеркальная оправка и золотое кольцо на правой руке. Он постоянно крутил его, словно украшение натирало палец.

В один из вечеров он, предвосхитив мой вопрос, снял очки и предстал во всей красе. За зеркальным стеклом пряталось бельмо.

Я все поняла без слов, когда заглянула в здоровый, внезапно увлажнившийся слезой глаз, в то время как второй остался сухим и мертвым, словно зашторенное окно.

Гай опустил голову, его губы дрогнули в благодарной улыбке.

– Видела бы ты меня год назад. Чудовище с мерзкими бельмами, зрение упало практически до нуля, я не мог во-

дить машину, да что говорить, я не мог существовать в обществе, не испытывая омерзения к отражению в зеркале.

Панический страх перед врачами заставил до последнего момента откладывать операцию. Мама страдала гемофилией и погибла из-за невинного хирургического вмешательства. Теперь я жалею, что не решился раньше... Если бы не глупая фобия, то, сидя рядом с такой красавицей, я бы не смущался.

Его губы растянулись в улыбке, обнажив белоснежные зубы.

Невольная мысль: «Ты сильно лукавишь», – промелькнула в голове и была незамедлительно прочтена собеседником.

– Я не льщу себе. Что греха таить, женщины испытывают ко мне влечение, жалость к слепцу лишь укрепляет его, и кто-то другой, будь он на моем месте, не преминул бы воспользоваться их расположением. Но я-то видел свое истинное лицо! Клоун-урод!

– Осталось сделать последнее усилие, операцию, и вся мостовая будет усеяна осколками наших сердец.

Он помолчал, потом вновь улыбнулся. Перевел глаза на тихо плещущуюся антрацитовую воду с дрожащими блики фонарей. Взгляд Гая скользнул по очертаниям одиноких гондол, качающихся среди причальных столбов, и унесся вдаль.

Прошлое настигло его и не хотело отпускать. В здоровом глазу дрожал огонек свечи, смешанный с подкравшейся слезой, роились призраки прошлого, куда он так и не пустил меня.

О кольце он рассказал позже.

На мой вопрос, не мешает ли оно ему, Гай отреагировал неожиданно. Лицо перекосила злоба, но он моментально взял себя в руки.

– Не мешает. Эта просто глупая привычка. Не обращай внимания!

Внимания стоило другое.

Я не ошиблась, предположив, что незамысловатое украшение по какой-то причине важно для Гая.

Рассказ о происхождении кольца потряс меня до глубины души и позволил закрасться сомнениям о душевном здоровье моего друга. История не укладывалась в рамки разумного восприятия действительности.

Хотя Гай с самого начала казался посланником другого мира, я позволила себе усомниться в правдивости услышанного.

– Сначала реальность. Мое имя Гай Фердинанд Лэндол, я уроженец графства Кент, наследник небольшого поместья Уилл-Лодж, последний по мужской линии из рода Мортон. А сейчас почти сказка.

Эта полоска золота с выгравированными символами принадлежала моему предку, ведущему род от скандинавских викингов, покоривших Туманный Альбион. Путь этого коль-

да пролегал через мрачное Средневековье, кровопролитные войны и временной феномен.

– Прости, я не совсем поняла...

– Поясню... Это кольцо отдала мне жена лучшего друга. История их знакомства – фантастическая, она вполне достойна костюмированного мыла на BBC²⁰. Ты, возможно, считаешь меня сумасшедшим, но не торопись с выводами. В доме скорби *вскоре* может оказаться каждый из нас.

То, что я сейчас расскажу тебе, – истина без доказательств, аксиома, просто поверь в нее.

Несчастливая девочка Элен – так зовут крошку – провалилась недавно в безвременье. Не перебивай! Если сказать точнее, она попала во временной переход, выбросивший ее в 1810 год. Так сказать, в незапланированную экстремальную командировку. Цель – затеряться среди аборигенов. Бонус – свадьба с приданым.

История кэрролловской Алисы или Золушки. *Sil vous plait*²¹. Замуж за моего друга-аристократа она вышла, правда, вначале планировала окрутить его предка. Фокус в том, что Элен недолго задержалась в 1810-ом, она вернулась назад в тот самый день, что и исчезла. Немыслимое течение времени сжало три месяца прошлого в несколько часов настоящего. Смысл неожиданного путешествия заключался в главном – она сохранила кольцо, а потом вернула его законному вла-

²⁰ Британский канал, один из мировых лидеров по производству сериалов.

²¹ В пер. с фр. – «пожалуйста».

дельцу²². Ирина, что с тобой? Ты не веришь ни одному моему слову?

Я действительно не верила ему. Что за ерунду рассказывает потерявший рассудок Гай? Разве могут существовать временные переходы? Я верю лишь в то, чему сама была свидетелем. Могу клятвенно подтвердить присутствие потусторонних существ, неуспокоенных духов. Верю в то, что вижу, слышу, порой осязаю. Не более. Повернуть время вспять – нельзя.

Гай не пытался что-то доказать, оставил мой скептицизм без комментариев и продолжил рассказ о кольце. Он называл его «мое спасение, моя защита». Тогда я даже не догадывалась, от кого оно могло его оберегать.

– Тебе ли не знать, тебе ли сомневаться в существовании лазеек, особых мест, где скрещиваются ветра времени, соединяются намерения и реальность начинает трансформироваться? Тебе ли, способной видеть потаенный мир и общаться с ним, не узреть то, что я говорю правду? Почему я верю тебе беспрекословно, а ты сейчас отводишь в смущении глаза, думая, что я прочту в них невеселый диагноз?

Я молчала, прислушиваясь к равномерному глухому стуку и всхлипываниям. Покачивающиеся на волнах гондолы плакали, издавая звуки, похожие на мрачный похоронный

²² Эта история подробно изложена в романе «Кроличья нора, или Хроники Торнбери». – Прим. авт.

набат, летящий над каналом.

Он прав. Кому как не мне верить ему. Кому как не мне, полусумасшедшей, замкнутой в ракушке собственного мира, вечно ходящей по лезвию бритвы, по границе между Светом и Тьмой, балансирующей на острие, боящейся взглянуть вниз, но желающей это сделать...

Гай не отводил требовательного взгляда.

– Я верю тебе... – выдохнула я и услышала вздох облегчения. – Но не совсем понимаю, каким образом это обычное золотое кольцо спасает тебя.

Гай криво улыбнулся, приподняв лишь уголки рта. Неподвижное, непроницаемое лицо-маска сделало его похожим на Джокера.

По спине у меня пробежал неприятный холодок, а на затылке на мгновение ожила тревожная кнопка. Ожила лишь на краткий миг и снова затихла. Мой испуганный взгляд был тут же перехвачен его, теплым и нежным. Маску темного клоуна сменил романтический рыцарь.

– Милая девочка, наш мир покоится на балансе энергий, на равновесии полярных субстанций. Ты это знаешь. Мы понимаем друг друга. Мы видим мир не так, как все люди, знаем, что он многоплановый и хрупкий, словно хрусталь. Подобен доминошной фигуре: неловкий шаг в сторону может сдвинуть одну из фишек и привести к катастрофе. Равновесие – вот опора, вот золотое сечение.

Эта полоска желтого металла со стершимися рунными

символами – наследие моего рода, доставшееся от Конрада Справедливого. Говорят, Конрад был простым воином, пришедшим на британскую землю с одной целью – завоевать ее для своего народа. Но у грозного воина в груди билось доброе сердце.

По преданию, это кольцо было выковано придворными цвергами²³ в подземельях Валгаллы и подарено ему возлюбленной, лесной альвой, ведьмой, возжелавшей возвращения любимого в целости и сохранности.

Оно сберегло жизнь храбрецу, помогло не запятнать невинной кровью душу. О доброте и справедливости Конрада слагали баллады и песни, о его подвигах сочиняли саги. Кольцо хранилось как зеница ока и передавалось от отца к сыну, из столетия в столетие, преумножая благополучие нашей семьи, ее праведность.

Но было утрачено. Никто из живущих потомков не верил в силу его защиты, считая безделицей, залежавшейся в дедушкином сундуке.

Они выпустили артефакт из рук.

Но, по высшему провидению и по его воле, оно возвратилось к последнему хозяину.

Впрочем, это лишь часть истории.

Ты слушаешь меня открыв рот, подобно ребенку, сидящему под рождественской елкой. Как ты прекрасна! Ты – словно ангел, сошедший на грешную землю. Выбрала единствен-

²³ Иначе говоря, гномами.

но возможный путь, лишь раз в году позволяющий грешникам узреть красоту, время карнавала, когда краски неба отражаются в зеленых водах лагуны...

Я слушала его слова, и не видела ничего кроме сверкающего сапфира, ласкающего взгляд, зовущего в мир искушения.

Шла как замороженная под дудочку очаровательного Крысолова, по пояс в воде, не замедляя шага, не замечая бездны, которая раскрыла объятия. Чувствовала ее нежную пульсацию в горле. Пустота звала, тянула, обещала блаженство, болезненное наслаждение. Я шагала навстречу неизбежному и радовалась, что во тьме рядом со мной идет он, ангел...

Гай положил руку на плечо, заставив меня вздрогнуть от неожиданности. Как я могла не заметить, что он уже не сидит напротив, а подошел сзади? Я поднесла его кисть к своей пылающей щеке. Рука Гая была холодна как лед. Лед и пламя.

– Я рад, что нашел тебя... снова, – слышался сзади надломленный голос.

Последнее слово осталось не ясным.

В тот вечер ничего не произошло. Я была слишком взволнована, чтобы решиться на дерзость и пригласить Гая в отель. Он смотрел на меня в ожидании, предоставляя право выбора.

Больше о кольце мы не говорили.

Наступил следующий день, и чудеса продолжились. Он подарил мне муранского ангела – небольшую стеклянную подвеску на шелковой ниточке. Нелепую, вылепленную собственными руками, о чем свидетельствовали отпечатки папиллярных линий на крылышках и хитрая улыбка Арлекина, игравшая на губах мастера.

Он пытался улучшить форму крыльев, когда раскаленное стекло начало остывать. Каким образом?

Стекло плавится при двух тысячах градусах, а остывает при комнатной температуре довольно продолжительное время. Тот факт, что он оставил на горячей фигурке отпечатки, не укладывался в голове.

Неужели Гай не чувствовал боли, касаясь нагретого стекла?

Это невозможно.

Ангелок, а точнее его неуклюжее подобие (мой друг не отличался талантом стеклодува), задрожал в руках. Боясь уронить его на мостовую, я прижала драгоценность к сердцу.

Гай отступил на шаг, затаил дыхание.

Он наблюдал. Он всегда наблюдал за мной.

Откуда он знал, что получить в подарок ангела означает для меня признание в любви? Так повелось с детства. Первого расписного ангелочка из керамики мне принесла мама. Мне и Иришке. Только сестра свой подарок потеряла,

а я хранила как зеницу ока, как радостное воспоминание о нерастраченном мамином тепле, нежности, о ее свечении...

Знаете, Маша, как красиво светилась наша мама? Сколько раз я желала услышать ее голос, увидеть образ, но самый дорогой человек так и не явился. Это означало одно: она покинула наш мир навсегда. Будучи ребенком, я отказывалась это понимать и горько плакала. Потом приняла и смирилась.

Второй ангел появился позже. Александр, будущий муж, привез прозрачную подвеску из стеклодувной мастерской Таллинна. Даря его, он предложил руку и сердце, и я не смогла отказать.

Последующие крылатые собратья находили меня уже по всему миру.

Я подняла благодарные, налитые слезами глаза на Гая и смущенно улыбнулась.

Ангел в подарок – все, о чем я могла мечтать. Он угадал. Потому что был не только ювелиром, но и гениальным манипулятором.

Маленький ангел, созданный им, скромный и неуклюжий, слегка покосившийся, грелся в моих ладонях.

Чудо с тонкими прозрачными крылышками, с тельцем из смеси темного аквамарина и ослепительно-белого пигмента с вкраплением искрящегося на солнце золотого песка, казался дороже всех вычурных украшений, даримых мужем. Рытвин соблюдал негласное правило – с каждым годом изыскан-

нее, изощреннее и богаче. Чтобы не упасть лицом.

Я носила его холодные дары исключительно на приемы, чтобы не обидеть, не лишить статуса.

По щекам Виктории извивающимися змейками поползли слезы. Не замечая их, она прикрыла глаза и продолжила рассказ:

– Дорогая Мария Сергеевна, скоро закончится эта история. Мы подошли к финалу, неожиданному и трагическому.

«Венеция с высоты полета похожа на змеиные головы, замершие в последнем поцелуе-укусе. Это символично», — так сказал мне Гай в тот вечер.

Но исхода ничто не предвещало. Мой вещий голос молчал, затуманенный пеленой влюбленности. Волшебный фонарик в горле ни разу не вспыхнул, не ожил, предательски угас.

После скомканного ужина в маленькой пиццерии на калле дель Меццо, прошедшем в скрытом томлении, в предвкушении неизбежности, в дурацкой спешке, после не запомнившегося путешествия на катере до садов Джудекка Гай распахнул дверь номера в «Чиприани», почтительно отошел на шаг и пропустил меня внутрь.

Его съют показался огромным. Из окон гостиной открывался классический живописный вид на тонущую в сумеречной дымке лагуну и пьядо с пылающей в закатных лучах ко-

локольней Марка.

Тяжелые гардины из шоколадного муслина с золотой вышивкой обрамляли карнизы, в глубине полутемной гостиной призрачно мерцало зеркало, старинные кресла с позолоченными резными спинками приглашали присесть в эркере и полюбоваться видом на канал или на копии пейзажей Каналетто, красовавшихся на обитых шелками стенах. Нежные орхидеи, капризно изогнувшиеся в вазе, застыли на столике перед украшенным витой ковкой балконом.

Я фиксировала в памяти детали интерьера, пока Гай наполнял бокалы холодным ламбруско, кинув в каждый по ягодке малины.

Он подошел с запотевшим бокалом и с обезоруживающей улыбкой солнечного клоуна. Его глаза, не отпускавшие весь вечер, продолжали читать меня подобно открытой книге.

Мы сели в кресла напротив окна, любуясь водной палитрой. Закат отчаянно смешивал краски. Сумеречный маренго перетекал в насыщенный лиловый, сменившийся ночным индиго с неожиданными озорными всплесками жемчужной лазури, разбегающейся по водной ряби при легком порыве ветра.

Завороженные непрекращающимся цветовым интермеццо²⁴, мы молчали, думая каждый о своем.

О том, что жизнь изменилась навсегда, предложив два пу-

²⁴ **Небольшая** музыкальная пьеса, служащая вставкой между двумя разделами произведения и имеющая иное построение и иной характер.

ти: да или нет. Каждая клеточка моего тела дрожала от возбуждения и глупого восторга, от страха перед будущим и от предвкушения завтрашнего утра. Не было сил мешать рождению новой любви.

О чем думал мой визави, было скрыто...

Скользящие души. Viva Venezia! Окончание.

– Знаешь ли ты, что с высоты птичьего полета островная Венеция походит на поцелуй влюбленных друг в друга змей? – разорвал тишину вкрадчивый голос.

Я вздрогнула и подняла на Гая влажные глаза.

Он не смотрел на меня, его задумчивый взгляд продолжал скользить по волнам погружившейся во мрак лагуны.

– Карнавал имеет особое значение для меня. В этом году он символизирует шесть чувств, соответственно шести основным сестере – районам. По воле судьбы остров Джудекка символизирует Осязание (Легкая приятная дрожь пробежала по моему телу.), Кастелло – Вкус, а площадь Марка – Ум, но отцы города под этим названием скрыли Интуицию. Наша встреча с тобой предопределена судьбой.

Я не сводила с него глаз, ловила каждое движение, каждый вздох. Я безумно желала его. Он это чувствовал.

Гай приподнял уголок рта и, выпив остатки вина, поймал губами ягоду, медленно прожевал и поставил бокал на столик. Черт!

– Помоги разгадать одну тайну. То, что происходит сейчас, не случайно. Я шел к этому моменту долгие годы. Напротив меня сидит прекрасная женщина, нет, лукавлю, женщина божественная. Дар возвышает тебя над обычными людьми.

Я слушала в недоумении. Какой дар? Наоборот, утрата способностей сделала меня обычным счастливым человеком. Я лелеяла надежду, что они не вернуться, и я проживу остаток жизни без радио в голове, без тревожной лампы.

– Мне нужна твоя помощь. Особое видение.

Гай не сводил с меня пристального взгляда. Его синий глаз мертвой хваткой вцепился в меня. Странная ситуация: он просит о помощи ту, которая пять дней живет свободно, подобно миллиардам смертных, не видящих и не слышащих...

– Просто закрой глаза и расслабься. Доверься мне. Можешь облокотиться на спинку кресла. Сейчас важно, чтобы ты полностью отвлеклась от внешнего мира и прислушалась к внутреннему голосу. Верни его!

Я еще сомневалась, отказаться или нет, но Гай встал и подошел сзади к спинке моего кресла. Его руки коснулись волос, убирая с лица непослушные пряди; мужчина нагнулся, обжигая мою щеку своим дыханием. В тот же момент приятная судорога настигла тело, обдала жаркой волной и сжала подобно пружине.

– Сиди спокойно. Просто закрой глаза, расслабься и взлетай. Ты же умеешь летать. Ничего не бойся – лети за гори-

зонт, моя белоснежная голубка.

Его руки нежно погладили лоб, медленно спустились к щеке, продолжили плавные круговые движения, захватывая плечи. Внутри меня постепенно разгорался огонь. Гай был искусен в ласке, он поддерживал пламя на безопасном расстоянии, позволив вспыхнуть лишь маленькой свече, спугнувшей морок, на время затянувший разум. Свет пробудил утраченную чувствительность, вернул хрустальную ясность сознания.

Я вновь ощутила первопричину каждой мысли, рождающейся в голове, отправной пункт каждого явления, я стала прежней, способной сканировать реальность вокруг, за исключением одного человека, руки которого лежали на моих плечах.

Он оставался для меня тайной. Тогда меня это не смутило. Я боялась одного – ошибиться в нем, а еще больше – его потерять.

Он взял мою руку, сплетая пальцы, и создал контакт. Не прерывая его, мы переместились на ковер. Наши взгляды сошлись во второй замкнутый круг. Я видела лишь правый умоляющий глаз, сконцентрировалась на его небесной глубине, сознательно избегая пустого, затянутого непроницаемой пленкой ока, словно за ним притаилась неведомая опасность.

Пристально глядя на меня, Гай начал рассказ:

– Много минуло лет, пронеслись века с того момента, как Черная Регина передала преемнице – ребенку, принятому на свет у погибшей в родах матери, – особую вещь. Медальон принадлежал девочке до окончания ее земной жизни и проследовал дальше, передаваемый от матери к дочери.

Последним владельцем медальона стала несчастная Анна Кляйнфогель, казненная по обвинению в колдовстве, жительница затерянного в горах швейцарского Дизентиса.

Бедная женщина ухаживала за женой местного старосты Иоганна Пруста и прислуживала в его доме. Но была оговорена и признана ведьмой, якобы желающей известить весь род благородного и влиятельного члена общины с целью женить его на себе. Простолюдинка понесла от своего хозяина.

После недолгого судебного разбирательства, на волне неконтролируемого мракобесия, бедная женщина и ее еще не родившийся ребенок были казнены на площади перед монастырем в канун Пасхи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.